

A sepia-toned photograph of a tunnel entrance. A traffic light stands on a pole in front of the dark arched opening. To the left of the entrance is a small rectangular box. To the right is a road sign with a yellow diamond and a black cross. The ground is covered in snow or dirt. The entire image is framed by a dark red border.

**Александр
Куприянов**

ИСТОПНИК

Прожито и записано

Александр Иванович Куприянов

Истопник

Серия «Прожито и записано»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43373456

*А. И. Куприянов «Истопник». Кинороман с курсивом, хором и оркестром: Издательство АСТ: ОГИЗ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114256-8*

Аннотация

«Истопник» – книга необычная. Как и другие произведения Куприянова, она повествует о событиях, которые были на самом деле. Но вместе с тем ее персонажи существуют в каком-то ином, фантазмагорическом пространстве, встречаются с теми, с кем в принципе встретиться не могли. Одна из строек ГУЛАГа – Дуссе-Алинский туннель на трассе БАМа – аллегория, метафора не состоявшейся любви, но предтеча её, ожидание любви, необходимость любви – любви, сподвигающей к жизни...

С одной стороны скалы туннель копают заключенные мужского лагеря, с другой – женского. И в условиях, когда люди обречены, им остается только надежда. Она умирает вместе с человеком.

Содержание

Дед и внук	5
Пролог Что поёшь – в то и веришь	14
Первая серия	46
Ранняя весна 1956 года	46
Флешбэк	85
Эпизод первый	98
Эпизод второй	100
Эпизод третий	102
Эпизод четвертый	104
Эпизод пятый	106
Флешбэк	116
Конец ознакомительного фрагмента.	128

А. И. Куприянов
Истопник
Кинороман с курсивом,
хором и оркестром

*Посвящается
Юрию Лепскому,
Игорю Коцу*

*Горе тем, которые зло называют добром.
И горькое почитают сладким.
Книга пророка Исайи. 5:20*

Дед и внук

Вступление

Когда умер Сталин, мне было два года. Тогда же вернулся с Сахалина мой дед. Первый раз он побывал там на царской каторге как дуэлянт. «Его даже на расстрел водили!» – с осуждением говорила позже мне, повзрослевшему, мама. Для побега с каторги они с другом, чеченцем Мангаевым, украли шхуну. Ели сырое мясо акул. Шхуна оказалась дырявой и затонула где-то у Холмска. Правда или нет – не проверишь. Когда я поступал в Холмское мореходное училище, по вечерам, на закате, выходил на пирс и подолгу вглядывался в даль. Неужели я думал, что шхуна может возникнуть на горизонте? Как одинокий радист, я посылал сигналы во временное пространство, надеясь получить ответ.

Второй раз, уже в советские годы, деда сослали на остров, как тайного агента Японии. И как анархиста армии Тряпицына. Яков, со своей матросней, сожгли дотла Николаевск-на-Амуре. Мой дедушка партизанил где-то поблизости. Спалили порт для того, чтобы он не достался захватчикам. С которыми дед, если верить органам НКВД, уже начал чего-то мутить. Ну вот вам и первый оксюморон (объяснение см. ниже) из жизни моего легендарного деда. Он сам нещадно лупил японцев из берданки с борта кунгаса. А потом им

же и «продался». Следователей НКВД он называл *энкаведками*. Факт дедовой борьбы с оккупантами энкаведы отрицали. Мол, умело маскируется, *сахала* – то есть беглец с Сахалина. Кунгас же, поясним, огромная просмоленная лодка. Туда входит не один центнер рыбы. «Живое серебро лососей» – образно писал я, начинающий поэт и селькор, про кунгасы с рыбой в местной газете «Ленинское знамя». А возрожденный Николаевск стал городком моего детства. Деревня, в которой я родился и вырос и которую основал мой дед, километрах в сорока от Николаевска. Дед все-таки сбежал с каторги. На этот раз они пешком с Айтыком Мангаевым перешли подтаявший лед Татарского пролива. Отвоевав на Гражданской, дед организовал рыболовецкую артель. Разумеется, она называлась «Буря». Было бы странно, если бы они с Айтыком называли ее «Бриз». Бриз – это легкий ветерок.

Потом артель переименовали в «Ленинец». А могли бы ведь и «Сталинцем» наречь. Айтык в «Буре» работал счетоводом. Ловили горбушу и кету. У амурских лососей красная икра. Солили бочками. И вот теперь я думаю: какие секреты могли продать мой дед и Айтык, артельщики, японцам? Начертить схему океанской пропасти, где из малька-сопельки вырастает лосось-гигант?! Узнав тайны глубин, милитаристы проложили бы маршруты для прохода подводных лодок к берегам Николаевска. Но и тут осечка! Координат тучных пастбищ, где в тайне от всего мира кормятся лососи, до сих не определили даже большие ученые! Дед свободно чи-

тал по-немецки, но ихтиологом он не был. Может, японские спецслужбы интересовали *тёрки*? Таежные урочища, где рыбы, поднявшись из морских бездн, продолжали свой род. Лососи проходят тысячи километров, чтобы отметать икру и погибнуть там, где родились. Как они находят путь назад? Мой дед, затейник, мог предложить своим очкастым «кураторам» из спецслужб: «А давайте пустим по следу горбуши специально обученных дельфинов-разведчиков!» Однажды он раскрыл мне тайну возвращения амурской рыбы домой. Сюжет сродни библейскому возвращению блудного сына. Чем старше я становился, тем больше убеждался в справедливости пути, избранного серебристыми лососями.

Ну а деду тогда, конечно, припомнили всё. И его гусарство в царской армии. И угнанную шхуну. И их с Яшей Тряпицыным неосуществленную мечту – Дальневосточную республику. Которую они собирались строить отдельно от комиссаров. Успели даже выпустить собственные деньги. Сепаратисты. Бумаги тогда не хватало. Червонцы отпечатали на лентах китайского шелка. Один мой друг, детский писатель Валера Шульжик, держал шелковые червонцы в своих руках. Они как-то дошелестели до хрущевских времен. Валерий ходил тогда матросом на колесном пароходе «Карпенко» по Амгуни. В тех местах и повели на расстрел Якова Тряпицына с боевой подругой Ниной Лебедевой-Кияшко, яркой комиссаршей. Они были закованы в цепи. Якову исполнилось двадцать три года, Нина – на четвертом месяце бере-

менности. «Если будет сын – назову его Яковом!» – крикнула она Тряпицыну в ночи, на прощанье. До последнего не верила, что революционные матросы расстреляют ее за предательство коммунистических идеалов.

У деда жизнь сложилась все-таки удачней.

Если не считать фиолетового шрама на горле. Который он умело маскировал бородой.

Писателя Шульжика мы звали Шуль. Шуль говорил нам, слушателям литературного объединения: «Настоящий матрос не плавает, а ходит. Плавает... понятно что! В проруби». Нам, начинающим поэтам, было понятно. Образность последнего постулата, согласимся, сомнительна.

Но точность формулировки безукоризненна. На Охотском побережье настоящих матросов, впрочем, как и авантюристов, до сих пор хватает.

А уж в прежние-то времена...

Деда обвинили в троцкизме. Да еще и КРД нахлобучили – контрреволюционную деятельность, направленную на подрыв экономики молодого государства. Пиратские *мару* японцев – шхуны – шныряли в водах Амурского лимана. Они интересовались исключительно красной икрой. Был ли у моего деда тайный сговор с акулами капитализма? Знаменитая тогда 58-я статья УК расставила все точки над «и». Конкретно: 7-й пункт – подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации. Наказание – до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Дед отсидел то ли четыре,

то ли пять. А потом его сослали. Дружок Айтык, кстати, тоже загремел следом. Куда можно сослать с низовьев Амура дальше Сахалина? Только в Японию! О чем они, может быть, даже и мечтали. Если вспомнить про дырявую шхуну. О, как вкусно произносил дед это – *за кордон!* Словно виски закусывал икрой. Но не все мечты сбываются... Я ничего не записал из его рассказов. Наверное, тогда еще был просто мал. Зато я запомнил, как он поет песню про ворона. Он ее пел, трагично добавляя к словам букву «д»: «Ты не вейся, д-черный ворон, эх, над моею д-головой! Ты добычи не д-дождешься...» Волнуясь, он слегка заикался. Мама плакала: «Зачем вы душу себе надрываете?!» Дед отвечал, словно целился – хищно прищуривая правый глаз: «Для хруста!» И добавлял непонятное: «Всем сестрам – по серьгам». Поразительно! Много лет спустя я узнал, что песню про ворона любил петь нарком и палач Ежов. Цитирую из книги «Сталин и его подручные» Дональда Рейфилда: «И даже тогда, когда он заведовал круглосуточным террором, он любил, с прекрасной, прочувственной интонацией, петь песню о смертельно раненном солдате. “Черный ворон, что ж ты вьешься, да над моею головой!”».

Палач и жертва любили одну и ту же песню. На царской каторге деда заковали в кандалы. На сталинской он был расконвоирован.

И вот вам второй оксюморон моего деда. Никаким врагом народа и японским шпионом он, конечно же, не был. Но ни-

когда не жаловался на годы неволи и лишений. Никуда не обращался в поисках защиты от несправедливости. Его реабилитацией занималась мама. Своего отца, да и мать тоже, она звала на «вы». Когда я стал интересоваться историей, мама объяснила мне страшную правду про «сестер» и про «серьги». Дед считал, что всякий народ достоин своей власти. То есть репрессии народ заслужил? Такая правда была потяжелее легенд про расстрел, червонцы на китайском шелке и про беременных комиссарш. Я не мог ее принять. Совсем недавно прочитал в интервью с Александром Сокуровым: «Уверенность, что какая-то политическая организация или конкретные люди виноваты в том, что происходило, и ответственны за тяжелые, необратимые последствия, очень распространена в России. И совсем не распространена мысль о том, что мы – та самая страна, где народ в большей степени отвечает за все, что творилось с нами на нашей же территории...»

Я не согласен с Сокуровым. Но мой дед сказал то же самое гораздо раньше всемирно известного режиссера. Полвека прошло. Впрочем, еще одна деталь. Существенная. Был такой пророк, Исайя, который персидского царя Кира назвал помазанником Божьим. Восьмой век до нашей эры. Исайя первым заявил, что всякий народ заслуживает ту власть, которая над ним. Другое высказывание пророка, не менее важное, взято эпитафией к этому роману.

Что я помню еще? Дед сидел в белой рубашке, с отложным воротником апаш, в хромовых сапогах и полувоенных брюках-галифе. Он ласково называл их – *гали*. Улыбался. Перед ним на столе стоял лафитник. Водку он пил исключительно из хрустального графина. А в хрустальной же вазочке горкой лежала икра. Присыпанная сверху луком. У нас говорили: «Для хруста!» На Нижнем Амуре красной икры много. Как, скажем, ягоды морошки на Шантарских островах. Или как картошки под Воронежем.

Картошка и морошка – рифма здесь случайна.

Хотя, как оказалось, многое в жизни кем-то рифмуется. Узнать бы – кем?!

Дед-анархист, пророк Исайя и режиссер Сокуров. Чем вам не рифма?

Мои внуки давно уже не мальки. И они ничего не знают о том времени.

Да и мне кто-то подсказывает – пора возвращаться.

Узнать бы – кто?!

Пропасти океана, как и тучные пастбища, чреватые перееданием. Пользуясь стилистикой настоящих матросов – обжорством. Жаль, что понимаешь это поздно. Когда утром завтракаешь таблетками. Тут главное не пропасть в безднах океана и не упустить точку возврата. Другой мой друг, легендарный журналист Геннадий Бочаров, как-то поделился под рюмку: «Раньше мы жили хорошо. Теперь живем отлично! Ты не знаешь, почему все время хочется туда, где бы-

ло просто хорошо?» Люди как лососи. Умеют возвращаться. Мы закусывали с Бочаровым красной икрой. Я присыпал ее, как и положено, сверху лучком. Форма документально-художественного киноромана избрана по единственной причине. Клиповое сознание нового поколения не приемлет прозаических длиннот. Дело не в заигрывании с новой братвой из фейсбука. В каждом времени свои анархисты и свои гаджеты. Социальные сети в России превратились в одну огромную прорубь. Не знаю, можно ли пулемет Максим считать гаджетом?

Дело в желании быть понятым молодыми.

Недавно я рассматривал последнюю фотографию своего деда, Кирилла Ершова – дважды зэка России. Я обнаружил у него на лбу, между бровями, жесткую складку, похожую на шрам. Ее называют в народе морщиной гнева. Может, его ранило на Гражданской? Удивительное дело! Точно такая же складка залегла и у меня на лбу. А ведь на дуэли я не дрался. Меня не вели на расстрел. Не ссылали, как врага народа, на Сахалин. Да и вообще акульего мяса я не люблю и пою другие песни. Я хочу, чтобы сейчас их слышали мои внуки. И Вы, мой д-дед. Двойная «д» здесь, я полагаю, понятно для чего? Она исключительно для хруста. Оксюморон же, кто запомит, сочетание не сочетаемого. Например, горячий снег. Или свободный зэк. Зэк не может быть свободным. Но когда он уходит в побег, снег под его ногами – горячий.

Можжевеловый куст¹

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака пролетают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя Бог, можжевеловый куст!

---

¹ Песня на стихотворение Николая Заболоцкого.

Пролог Что поёшь – в то и веришь

Поэт Николай Заболоцкий начинал свой лагерный путь под Комсомольском-на-Амуре, в поселке Старт. В некоторых воспоминаниях почему-то Штарт. Наверное, рассказчик, уже без зубов, шепелявил. Заболоцкий сидел на знаменитой стройке-500. Так называли строительство Байкало-Амурской магистрали от Комсомольска до Советской Гавани. Здесь география страны заканчивалась. Край света. Рядом только порт Ванино, знаменитая тюрьма-пересылка. Ээки пели:

Я помню тот Ванинский порт
И шум пароходов угрюмый,
Когда мы спускались на борт
В холодные, мрачные трюмы.

Сортировка дьявола. Отсюда дорога вела на Колыму. То есть в могилу.

Есть такое выражение, его все знают: свет в конце тоннеля.

Оно означает надежду. А тут получалось наоборот.

В конце света они строили свой тоннель.

Надежда не покидала их!

Здесь и развернутся события нашего киноромана.

Строго говоря, Дуссе-Алиньский тоннель географически не попадает в отрезок от Комсомольска до Совгавани. Он за Ургалом. Отсюда до города юности, как называли Комсомольск добровольцы, – а были и они, – еще топать и топать. Тоннель начинали рыть зэки Бурлага – Буреинского лагеря, потом его передали в Амурлаг. Управление базировалось в городке Свободном. Только представьте! Тяжелые шаги по коридору, воронок, камера, допросы... Москва-сортировочная, а потом – раз! И ты в Свободном. Многие воспоминания дуссе-алиньских зэков начинаются с этого городка в Амурской области. Там созревали гроздья лагерных пунктов, которые щедрой рукой генерал Френкель, командир Бамлага, разбрасывал вдоль всей магистрали. Какое-то время тоннельщики подчинялись Управлению строительства № 500, или проще – стройки-500. Бамлаг в те годы подвергся не одной реформации. В памяти заключенных Дуссе-Алинь остается не Амурлагом и даже не Бамом. А стройкой-500.

Так мы его и будем впредь называть в нашем повествовании.

Заболоцкий четыре года слышал звон костылей, забиваемых в шпалы, металлический хруст щебенки под колесами тачек, лай сторожевых псов и крик начкара... «Вы поступайте в распоряжение конвоя!»

Молитва начальника караула.

Вот как назывался утренний крик начкара.

Скоро и вы услышите металлический хруст. И почувствуете за-

пах смолы.

А пока вы слышите музыку и пение. Большой академический хор исполняет «Можжевельный куст» на стихи Николая Заболоцкого. Не лирический романс про разлуку с любимой звучит, а трагическая оратория. Песня-пролог. Ее словам мы придаем в киноромане особое значение. Услышать вдали металлический хруст. Увидеть во мраке ветвей *чуть живое подобье улыбки твоей*... Наконец, отгибать невысокие эти стволы. Заболоцкий нашел свои образы для «Можжевельного куста» в последние годы своей жизни. Стихотворение написано в 1957 году, Заболоцкий ушел в октябре 58-го. Можжевельник он встретил у Крымской тропы, где гулял с женой Катенькой накануне их разлуки. И аметисты дарил уже не супруге, которая уходила от него на долгие два года к писателю Василию Гроссману. А совсем другой женщине, Наталье Роскиной. За простыми и бесхитростными строчками нам видится другое. Металлический хруст нельзя услышать в заснеженном Переделкино. Он, как и мрак ветвей, приходил к Заболоцкому в снах-воспоминаниях. Металлический хруст щеколды на воротах лагеря. Металлический хруст щебенки, когда на нее укладывают стальные рельсы. Мрак хвойных веток тайги, укрытой дождями и туманами долгой осени. А можжевельный куст это зашифрованный тундровый стланик на гольцах Дуссе-Алинского перевала. Он запрещал говорить при нем о сталинском поселке Старт.

В некоторых воспоминаниях – Штарт.

И сам ничего не рассказывал.

Боялся. Но не мог запретить себе помнить.

Стихотворение Николая Заболоцкого про можжевельновый куст – зёковская молитва, перед тем как уйти навсегда. Никого и ни в чем не упрекая.

Уйти в вечность. *Да простит меня Бог, можжевельновый куст!*

Играет симфонический оркестр. Звучание мощное. Холодок, тот самый, тревожащий еще с 30-х годов, бежит за ворот. Первые две начальные строки каждого куплета исполняет солист. Это зэк. С лицом падшего ангела. В полосатой робе, он стоит перед хором, на фоне черных фраков и белых манишек. Зэки в полосатом отбывали свой срок в лагерях особого режима. Его голос пронзительно чист. И мы вдруг понимаем – по выражению лица, по напевности его вокала, что перед нами кастрат. Или...

Он женоподобен.

Зэк театрально отставляет ногу в стоптанном башмаке, картинно заламывает руки у груди. Седые волосы его, причесанные на пробор, набриолиненны, щеки припудрены, губы подкрашены помадой. Шут гороховый! Арлекин, Пьеро с белой маской вместо лица...

Но почему нам так горько? Почему его так, до слез, жалко?!

Болезненное несоответствие невыразимо печального со-

держания и странной, если не сказать больше – уродливой формы.

Дисгармония, распад, разрыв...

Укол смертоносной иглы.

Никакой толерантности мы здесь не чувствуем.

На лице солиста отчаяние и обреченность.

Оператору и режиссеру придется изрядно потрудиться, чтобы точно передать глубину страдания человека, прошедшего сталинские лагеря. И ставшего тем, кем он стал. Впрочем, киношники, о! эти колдуны света и тени, шаманы деталей и нюансов, маги, наконец, перевоплощений, не нуждаются в советах беллетриста. Тарковский и Феллини. Кончаловский и Сокуров. Они могли бы точно передать состояние Божьей кары, настигшей певца в полосатой робе. Насильно нельзя изменить природу человека.

Только Бог может позволить себе сделать это.

А еще на память здесь приходят Босх и Брейгель.

Вот чьи сюжеты угадываются нами в трагическом пении хора на сцене.

Перед эком на пюпитре ноты. Он поет по нотам.

Он слегка похож на Вадима Козина. Мы понимаем, что в прошлом зэк – известный артист. Может быть, он даже пел в Большом театре.

Козин отбывал свой срок на Колыме.

И умер в Магадане.

Заклученных тогда называли по-разному. Сначала были

просто л/с – лишённые свободы. А с 1934 года – ЗК, зэка, зэки. В документах писали через косую – з/к. Горько шутили: забайкальские комсомолцы. Или заполярные. Даже встречалось название «зыки».

Мы же будем называть их так, как они называли сами себя. Зэки.

В хрущёвские времена, когда наступило время развенчивания культа личности Сталина, почему-то принято было считать, что репрессиям подвергались лишь верные ленинцы и знатные коммунисты: комбриги, директора заводов, секретари обкомов и крайкомов партии. Это не так. Сажали всех – крестьян, командармов, «недобитых кулаков», инженеров, учителей, рабочих, поэтов, красную профессуру. Заключение делилось по категориям: уголовники, политические, повторники, суки... Политические сидели по знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Были среди сидельцев и *мужики*.

Они же *черти* и *лохи*. Обыкновенные работяги.

Такие, как Иван Денисович из бессмертной повести Солженицына.

А ещё *накипь* – аристократы ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

В свою очередь, уголовники делились на касты.

Паханы, полнота, порчаки, мастёвые, урки... Потом шли общие, для урок и политических, подкасты: *придурки, бакланы, шныри, фитили, доходяги*.

Впрочем, *доходяга* и *фитиль* почти одно и то же. Фитиль догорает.

Доходяга ищет свою последнюю корку хлеба на лагерной помойке.

Осип Мандельштам был доходягой. Язык не поворачивается так называть великого поэта. На Третьей Речке, под Владивостоком, Мандельштам погиб от болезней и голода. В пересыльном лагере.

А Николай Заболоцкий *придурлся* чертежником.

Нам не один раз придется обращаться к языку сидельцев. Кинороману необходим речевой фон той эпохи. Постараемся не особо, правда, вдаваться в подробности лагерного сленга. Зависимостью фонем от морфем занимался, как известно, Иосиф Виссарионович. Названный в известной песне большим ученым. У него на все хватало времени. И расстрельные списки подписывать, и критиковать академика Марра, идеалиста языкознания, и Платона читать.

В подлиннике.

Сами лагеря назывались по-разному: Степлаг, Карлаг, СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, БАМлаг.

Все они объединялись понятием ГУЛАГ.

ГУЛАГ – Главное управление лагерей. БАМлаг, о котором пойдет речь в киноромане, мы будем привычно называть Бамлагом. Писать не как аббревиатуру, а как слово. Но с большой буквы.

Как того потребовала орфография новых языкознанцев.

Мы еще приведем, скорее всего в заключительных титрах, глоссарий – словарь зоны. Список слов и понятий, на которых иногда изъясняются наши герои. Мы также покажем некоторые различия в написании отдельных географических названий тех мест. Таковых немного, но есть. Пока же, по ходу повествования, обозначим жаргон и понятия, присущие уголовному миру, курсивом.

Все подлинные документы, которые процитированы в киноромане, выделены особым шрифтом.

Мат и брань, привычные среди лагерников, в киноромане не звучат, автор использует близкую по смыслу лексику, разрешенную цензурой.

Найдите заранее.

Да, ну а почему все-таки хор?! Какое коллективное пение под оркестр, если ночью от мороза волосы примерзают к нам? А днем от цинги выпадают зубы. Кровью харкают на снег эки-тубики. Какой вокал, если одной из пыток была пытка бессмысленным трудом: заключенных заставляли на сорокаградусном морозе часами переливать ведром воду из одной проруби в другую! До песен ли при такой жизни?!

Пусть знает читатель: в любом, самом захудалом лагерном пункте, командир ставил задачу перед начальником КВЧ (культурно-воспитательной части): «Обеспечить хор! Чтобы через месяц пели!»

Зачем?! Изощренное издевательство особого рода?!

Точно ответил Солженицын: «В первостепенном воспи-

тательном значении именно хора политическое начальство (имеется в виду начальство лагерей – здесь и далее примечания мои. – А. К.) убеждено суеверно. Остальная самодеятельность хоть захирей, но чтобы был хор! Песни легко проверить, все наши. А что поёшь – в то и веришь» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Не забудем и про отдельную функцию хора в античной трагедии.

Время, про которое мы ведем речь, конечно, не античность. Оно было совсем недавно. Но трагедий в нем случилось не меньше. Наш фильм начнется с песни. Их будет немало в киномане. Но это не значит, что страшное время мы собираемся принарядить в гламурные юбки мюзикла или в водевильные шляпки оперетты. В фильме много тяжелой правды.

Нужно подготовиться к ней. Вам помогут это сделать: слова из Книги пророка Осии; строки Евангелия от Матфея; стихи Анны Ахматовой; Сейчас они возникают на тяжелом бархате занавеса сцены.

Бархат темно-бордового цвета.

Ибо Я милости хочу, а не жертвы <...> более, нежели всесожжений.

Книга пророка Осии. 6:6

...если бы вы знали, что значит: милости хочу,

а не жертвы, то не осудили бы невиновных.

Евангелие от Матфея. 12:7

Горькую обновушку

Другу шила я.

Любит, любит кровушку

Русская земля.

Анна Ахматова.

Не бывать тебе в живых (1921)

Песни в фильме исполняют группы: «Ленинград» (солист Шнур), «Ногу свело» (солист Покровский), «Би-2» (солист Лева Би-2), «Любэ» (солист Расторгуев); солисты: Иосиф Кобзон, Александр Городницкий, Елена Ваенга, Гарик Сукачев, Александр Малинин и Диана Арбенина. Играет Большой симфонический оркестр. Партию скрипки, дуэтом с Анастасией Кауфман, на празднике первого поезда, исполняет девочка-скрипачка Лея Чжу, мировая звезда. Аранжировка Ванессы Мэй – ария Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска». Композитору фильма предстоит, взяв за основу музыкальную тему арии, написать «Марш энкаведов».

Мы также надеемся и на то, что будущий режиссер фильма очень точно подберет актеров для исполнения как главных ролей, так и персонажей второго плана. Да и артистов массовок тоже. Сегодня в отечественном кино, в так называемых сериалах, которые собирают высокие рейтинги на телевидении, существует прием сборки фильма, как строитель-

ной конструкции. Чаще всего наивной. Почти детской. Подлинность фигур и характеров заменяется клише и штампами. Герои сериалов, в исполнении молодых и, безусловно, талантливых актеров, неубедительны. Осознание советского времени в таких фильмах как раз и можно сравнивать с конструктором «ЛЕГО». Шевиотовые (обязательно!) гимнастерки офицеров. Все герои с упрямо сдвинутыми бровями, у них смоляные чубы. Или непокорные вихры. Красные ромбы на рукавах гимнастерок, хромовые сапоги. Наган в кобуре – пупырчатая кожа желтого цвета. Как будто в жизни кобурушили только из свиной кожи. Видимо, оператору просто потребовалось желтое пятно в кадре. Барышни обязательно в крепдешиновых платьях и в туфельках на низком каблучке, белые носочки.

Такие же белые воротнички, под горло.

Иногда вязаные. Прически с каким-то воланами на голове.

Честно говоря, даже сомневаешься: не водевиль ли снимали?

Часто – вуали на шляпках.

Черный воронок – машина такая; старый партиец – верный Ленину большевик, с седыми патлами на голове, распадающимися на пряди. Как у Максима Горького. Громоздкий сейф, в котором хранятся «дела». В них неопровержимые доказательства и самооговоры. А поверх папок – наган... Графин на столе под зеленым сукном. Граненый ста-

кан. Лампа с абажуром. Ее свет будут направлять в глаза допрашиваемых.

У молодого поколения нет подлинной картины Сталинской эпохи.

Только набившие оскомину штампы.

Надеюсь, сегодня вы прикоснетесь к правде.

За кадром продолжает звучать песня. Может, это «Можжевельный куст» Николая Заболоцкого, главная песня нашего фильма.

А может, «Сиреневый туман».

Слова у «Сиреневого тумана», считается, народные. Но это только так считается. Наши герои еще вернутся к истории советских песен.

На бордовом бархате занавеса сцены возникают титры. Их много.

Хотелось бы предупредить читателя о том, что в повествовании титры являются полноценным текстом, а не вспомогательным.

Рекомендуем титры читать внимательно.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Костя Ярков – чалдон. Лейтенант Смерша, потом старший лейтенант НКВД. Позднее, при увольнении в запас, капитан МВД. Сначала сотрудник Управления Амурлага, потом – порученец командира Бамлага генерала-лейтенанта

Френкеля. В 1954–1955 годах студент Комсомольского-на-Амуре педагогического института. Бомж и бродяга на железнодорожном вокзале, охранник в старательской артели «Амгунь». В 1956 году работает истопником Дуссе-Алиньского тоннеля. Любит Сталину Говердовскую. Охотник и снайпер. На фронте кличка – Ярок.

Сталина Говердовская – родом из Белоруссии. Отец поляк-политкаторжанин. Говердовская – начальник женского лагпункта западного портала Дуссе-Алиньского тоннеля. 73-й километр восточного участка БАМа. Старший лейтенант НКВД. Женщины-заключенные зовут Сталину Георгиевну *биксой излюбровой*. Говердовская яркая блондинка с прекрасной фигурой и длинными волосами, почти по пояс. Волосы она стягивает узлом на затылке и прячет под синим форменным беретом. В ее поведении, в манере говорить и в походке угадывается шляхетство. Ещэ польска нэ сгинэла... Откуда она у советского офицера НКВД?

К лицу ли? Следователь разберется.

Герхард Кауфман – коллеги часто зовут его Герыч и Гера. Расконвоированный, потом досрочно освобожденный. Кандидат геологических наук. То ли немец, то ли еврей. Начальник мерзлотной станции. Геокриология (мерзлотоведение) – раздел геологии. Наука, изучающая мерзлые горные породы. Герыч любит поучать старших по должности. Ищет орфографические ошибки во всех официальных бумагах. Нарушает сроки сдачи в главк отчетов по исследованию веч-

ной мерзлоты. Педант. Бреется каждый день. Часто рассказывает о своей дочери от первого брака, которую зовет Мотя. А вообще-то она Матильда.

Иосиф Сталин – вождь и отец народов. Партийная кличка Коба. В детстве звали Сосо. В некоторых лагерях Иосифа Виссарионовича неуважительно обзывали гуталинщиком и черножопым. Отец Сталина был сапожником. В дуссе-алиньских лагпунктах его так не называли. В киноромане Сталин появится в образе шашлычника. Натурально. Жарит шашлык у себя на ближней даче. Сталин очень много читал. По некоторым сведениям – до трехсот страниц в день. Начальниками ГУЛАГа часто назначал талантливых евреев-управленцев. Хитрюга... Хотел, чтобы народ ненавидел евреев. Как ненавидел их он сам. В детстве, в городке Гори, подговорил друзей-мальчишек загнать в синаногу свинью. Так он мстил богатым торговцам-иудеям, в домах которых прибиралась и стирала его мать, красивая грузинка Кеке (Катерина). Мальчишки Сосо не выдали. Но православный священник сказал на проповеди: «Нельзя пускать свинью в один из домов Бога». Сталин не мог понять, как можно защищать чужую веру? Сын Сталина от первого брака, Яков Джугашвили, попавший в плен к фашистам, на допросе сказал про евреев: «Евреи не могут работать. Они могут только торговать!»

Сталин курит трубку, набивая ее табаком папирос «Герцеговина Флор».

Взгляд – рысий. Учился в православной семинарии.

Гость из Великого Прошлого – человек, похожий на Сталина. На митинге в 1977 году, по случаю очистки Дуссе-Алиньского тоннеля ото льда, его так и представляют. Гость из Великого Прошлого! Внимательно, словно изучает, смотрит он на Гостя из Великого Будущего по имени Володя. И слушает его речь. Кажется, что он присматривается к Володе.

А можно ли его назначить начальником стройки-500?

Курит трубку, набивая ее табаком все тех же папирос.

Взгляд тот же. Рысий.

Гость из Великого Будущего – человек, похожий на Владимира Владимировича Путина. На митинге в честь прихода первого поезда на Дуссе-Алинь его именно так и представляют. Гость из Великого Будущего! Умеет произносить речи, после которых и члены Политбюро, и современные лидеры иностранных держав задумываются.

Знает немецкий язык, историю и культуру Германии.

С Иосифом Виссарионовичем Сталиным они на «ты».

Любит иронично отвечать на вопросы иностранных корреспондентов.

Глаза голубые.

Нафталий Аронович Френкель – генерал-лейтенант инженерных войск, командир Бамлага, а потом и руководитель Главного управления железнодорожного строительства МПС. Вплоть до 1947 года. Легендарный человек. Од-

ни считали Френкеля гением, другие палачом. Бывший член одесской банды Япончика, миллионер, авантюрист. Отбыл срок в лагере на Соловецких островах. Написал письмо Сталину, где изложил идею эффективной модели управления советскими концентрационными лагерями по принципу «как потопаешь, так и полопаешь». Сделал головокружительную карьеру. Остался жив во времена всех сталинских чисток. Дважды (по некоторым сведениям трижды) награжден орденом Ленина. Еще его звали бухгалтером дьявола.

Феноменальная память на лица и цифры.

В нашем фильме Френкель ходит с тростью, в кожаном пальто. Белым шарфом-кашне кутает шею.

Сапоги на высоком каблуке. Хочет казаться выше ростом. Гитлеровские усы щеточкой.

Летёха Василий – обобщенный образ офицера конвойных войск и следователя НКВД. Выжил при всех чистках. На празднике в честь освобождения Дуссе-Алиньского тоннеля от ледового плена в 1977 году представлен как ветеран БА-Ма. Безнадежно влюблен в Сталину Говердовскую. Справляет обновки – гимнастерки, кубанки, кителя.

Любимое выражение «Давай заложимся!»

То есть, давай поспорим.

Во время допросов впадает в истерику.

В уголках его губ закипает слюна.

Отец Климент – священник из Казакевичей, казачьей станицы на Амуре. Лагерное прозвище Апостол. Сидел по

58-й статье за антисоветскую пропаганду. Сбежал из Дуссе-Алинского лагпункта весной 1947 года. Помогал освобожденным по амнистии зэкам в 1953–1954 годах. Одна из ключевых фигур киномана. Это он остановит вакханалию разврата во время ночи любви, объявленную Френкелем после досрочной проходки тоннеля. Мужской и женский лагпункты копали навстречу друг другу. Долгое время этот факт считался легендой. Отец Климент спасет Костю Яркова от уголовщины и бродяжничества. Он устроит его истопником Дуссе-Алинского тоннеля.

Считает, что любая власть от Бога. В том числе и советская.

Часто повторяет загадочную фразу: «Надо ловить человек. Иначе они разбегутся и станут скотами».

Перебирает в руках четки.

Мыкола – Николай Степанович Гринько, каптенармус. Попросту говоря – каптерщик. Заведует продовольственными складами лагпунктов на Дуссе-Алине. Безногий бандеровец. Передвигается на подшипниковой каталке. Угощает врача лагпункта, тоже инвалида, только одного, Лазаря Ефимовича Ревзина, картошкой, жаренной на сале. Держит в своем подчинении москалей трех фаланг – на лесоповале, на отсыпке трассы и на бетонном узле. Фаланга проходчиков тоннеля ему не подчиняется. 58-я пункт 1а (измена Родине – расстрел с конфискацией имущества) у Мыколы заменена на 58-ю, пункт 8: террористические акты, направленные

против представителей советской власти. Мыкола охотился за сельсоветчиками на Западной Украине.

Подорвался на собственной mine. Получил 20 лет ИТЛ.

Замыслил побег и осуществил его. Каптерщика несли за плечами зэки – по очереди, в специально сконструированном рюкзаке-коробе. В побег вместе с Мыколой ушли Захар Притулов, троцкист и пораженец, Зина Семина, швея и лагерная жена Притулова, Стоятель путей, железнодорожный техник-смотритель из-под Облучья, отец Климент и Писатель, недоучившийся студент из Хабаровска. У Мыколы толстые и часто неряшливые губы.

Писатель Йорик – *придурок*. Если быть совсем точным, то Писатель – человек, похожий на автора киноромана. Не удивляйтесь. Если в прошлом, на митинге тоннельщиков, может появиться Владимир Владимирович, человек, похожий на Путина, то почему среди зэков, уходящих в побег, не может оказаться автор? Ему, как никому другому, нужна воля. Писатель – обобщенный образ советского литератора-очкарика начала сороковых годов. Сидит за ВАД – восхваление американской демократии, изготовление и распространение антисоветской литературы. В Хабаровском пединституте, вместе с другом, Валентином Соповым, издавал подпольный студенческий альманах «Новый Салют». Та же 58-я, 10 лет лишения свободы. Работал истопником-уборщиком 6-го барака на фаланге бетонщиков. Потом конюхом-возчиком. Советскую демократию в глубине души презирает. Но

Ленина и Сталина считает выдающимися политическими деятелями. Уверен, что Иосиф Виссарионович не знает масштабов чудовищных репрессий. Сталину о фактах перегибов на местах изверги ежовцы и гады бериевцы просто не докладывают. Скрывают правду. Соединенные Штаты Америки он уважает потому, что там, при любых президентах, обществом правит Закон. Писатель Йорик, когда волнуется, слегка заикается на букве «д».

Абсолютно седой человек в свои неполные тридцать лет.

Зина Семина – заведующая ремонтно-пошивочной мастерской в женском лагпункте. Хороша собой. Тип русской красавицы. С круглым лицом и бровями вразлет. Про таких говорят – манкая. Сидит за растрату двухсот метров пошивочного материала. Ревизоры недосчитались у нее в хабаровском ателье индпошива одной катушки ниток мулине. Предъявлено обвинение в ПЗ – преклонение перед Западом и в ВАТ – восхваление американской техники. Же не большого командира, начальника пограничного округа, Зина пошила платье по выкройке из французского журнала мод. Журнал прислали из Харбина. А поклонения перед Америкой, на самом деле, вообще не было никакого. Тут слегка перепутали и палку перегнули. Впрочем, как говорится, хрен редьки не слаще.

Зина хвалила немецкие швейные машинки «Zinger».

10 лет ИТЛ.

Зина любит абрикосы и клубнику.

Иногда вспоминает о них.

Такой, знаете ли, легкий ветерок из детства.

Захар Притулов – капитан-сапер, воевал на 2-м Украинском фронте. *Повторник*. То есть отбывает срок наказания вторично. Как называл таких сидельцев Александр Исаевич Солженицын, *недобитыши*. Отсидевшие, вышедшие и попавшие на зону второй раз. По первому сроку отбывал наказание как троцкист-националист. Притулов служил в Киве.

Но сам он родом с Русского Севера. Освободили досрочно, в 42-м.

Нужны были на фронте инженеры, строители переправ и мостов.

Красная армия уже готовилась к прыжку в Европу.

Вторично был осужден за пораженческие настроения. На стройке 500 Захар командует фалангой бетонщиков. Кряжистый, нижняя челюсть немного выдвинута вперед. Витые и узловатые, как корни дерева, мускулы.

На руках мокнувшая экзема. Похожа на лишайник, который оплетает стволы деревьев с северной стороны.

МАССОВКА

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) – оживленно переговариваются на митинге, посвященном проходке Дуссе-Алинского тоннеля и прибытию первого рабочего поезда. Заиски-

вают перед Гостем из Будущего, человеком, похожим на Путина. Малограмотные, но с большим апломбом. Изображают из себя больших государственных шишек. Впрочем, такие они и есть. Один Всесоюзный староста, дедушка Калинин, скромно посверкивает очками и теребит клинышек бородавки. Он очень рад. И не скрывает этого.

Его жена, Катя Калинина, уже вернулась из лагеря.

Хрущев все время глупо, якобы по-народному, шутит.

Все члены Политбюро одеты одинаково, в габардиновые плащи и фетровые шляпы. Один Лаврентий Павлович Берия в отличном двубортном пальто английского кроя.

Заключенные Бамлага, зэки и зэчки – готовятся к ночи любви, обещанной им после проходки тоннеля и встречи двух лагпунктов. Женщины прихорашиваются. Достают заранее приготовленные цветастые косынки. Красят губы вареной свеклой.

Зэки ловят из реки Чёрт харюзков. Рыбка такая, серебристый хариус с оранжевыми пятнышками по бокам. Набираются сил. Харюзки – чистый белок. Рыбу едят без соли. Соль огромный дефицит в лагере.

Солдаты конвойных войск – вохра. Сами похожи на зэков.

Некоторые еще совсем недавно отбывали срок.

Любят, вне службы, бродить по зоне расхристанными, в домашних стоптанных тапочках. Пьянствуют.

Малограмотные и угрюмые дядьки, часто из окрестных

поселков.

Среди них встречаются охотники. Стреляют метко. На празднике первого поезда коллективно бьют чечетку. Танцуют под «Марш энкаведов», на антресолях, возведенных справа от портала.

Объединенный хор зэков стройки-500 – исполняет незнакомую им песню «Можжевельный куст» на слова поэта Заболоцкого, а также «Сиреневый туман» и «Журавли». Ранние редакции неизвестных авторов. Хор отличается большой слаженностью голосов. «Спелись, кубло! Говно народа!» – говорит про них *кум* – лагерный уполномоченный. Выделяется запевала. Высокий и седой зэк в полосатой робе с лицом падшего ангела.

Слегка напоминает великого певца Козина.

Артисты драматического театра из Комсомольска-на-Амуре, джаз-оркестр «Дальстроя» – тоже заключенные. На празднике первого поезда они изображают бродячий цирк-шапито и показывают сцены из сказки «Золотой ключик». Мы также увидим Шествие в феллиниевском стиле и физкульт-парад живых пирамид на подиуме, возведенном слева от портала. В физкульт-параде, помимо артистов, принимают участие зэки.

Японские военнопленные – ничего не изображают.

Прижимают руки к груди и ежеминутно кланяются.

Среди них есть настоящие самураи. На всем БАМе работало около 100 тысяч военнопленных Квантунской ар-

мии. Зэку-японцу за перевыполнение дневной нормы полагалась лишняя ложка риса. На стройке 500 выходила газета на японском языке. В большинстве своем японцы похожи на местных якутов, тунгусов, эвенов и эвенков. Но больше всего они похожи на нанайцев, живущих неподалеку, на Амуре. Нанайцев на митинге нет.

Тунгусы, якуты, эвены и эвенки – охотники и оленеводы. Здешние аборигены. Приехали на упряжках из тайги. Как раз успели к приходу первого поезда. Все время говорят «однако» и едят жирную рыбу чир. Они ее пластают у самых губ длинными и тонкими ножами. Живут в меховых юртах рядом с тоннелем. Жгут костры. Один молодой и ловкий эвенк исхитрился и набросил маут – олений аркан из сыромятного ремня – на трубу паровоза. Машинист матерится. Юноша в меховой рубашке-малице солидно объясняет сородичам: «Наш, однако, не подгадит!» То есть не промахнется.

Среди зэков, на зоне, представителей малых народностей не наблюдается. Хотя в лагерном языке есть понятие *тундра* – бестолковый человек.

Студенты и преподаватели Комсомольского-на-Амуре пединститута. Спорят о сталинском вкладе в теорию языкознания и о трудах академика Марры Николая Яковлевича. Костю Яркова обзывают вохряком. Преподаватель краткого курса истории ВКП(б), диалектического материализма и руководитель дискуссионных коллоквиумов, по фамилии Царёк, лагерное прозвище Опричник, появляется в нескольких

эпизодах одновременно. Это не значит, что автор путает даты.

Царек, в некотором роде, тоже обобщенный образ. Коммуниста-начетчика, верного ленинским принципам. Среди студентов много вчерашних фронтовиков. Они в гимнастерках. На плечах темные следы от погон.

Нищие и безногие калеки-фронтовики, на каталках – продают игральные карты и порнографические открытки на вокзале в Комсомольске. Их называют *самовары*.

Выманивают деньги на чекушку. Больше не просят. Часто дерутся, бросая друг в друга тяжелыми чурочками, обшитыми грубой кожей. Чурочками они отталкиваются от земли. Рядом с самоварами всегда крутятся шестерки-беспризорники. Так пацанам легче прокормиться.

А также – уголовные типы на вокзале, мелкие хулиганы, рыбаки, охотники, пассажиры, родственники заключенных, японские туристы (наши дни), солдаты и офицеры железнодорожных войск (наши дни), служащие заготконтор, поварихи, буфетчицы и официантки привокзальных ресторанов и забегаловок, милиционеры, беспризорники, дежурные на станциях, охранники на вышках, адъютанты, порученцы, курьеры, геологи, старатели, снабженцы, инструкторы райкомов партии...

И «прочая большевистская сволочь».

Как, говорят, выразился однажды товарищ Сталин.

В ЭПИЗОДАХ

Владимир Высоцкий спел про фронтовиков: «Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты». В лагере на первый взгляд примерно так же, как на передовой. Единая масса эков. Только вдруг мелькнет в толпе чей-то острый взгляд, кто-то от усталости запустит соленую ча-стушку:

Я не буду материться, матершинны песни петь!
Разрешите для начала *на фиг* валенок надеть!

И заулыбаются, расправятся, проступят в колонне лица. Тут все смешно. Особенно валенок, который собираются одеть на, понятно какой, фиг... А то пахнёт на морозе дымком ядреной махорки. Пустил бригадир последнюю цыгарку по кругу. И чей-то голос, от нечаянной радости, прорвется сквозь скрип сотен суррогатов по снегу: «Посмотри, Жихарев! А небо-то синее!»

Вот и обозначились люди!

В киноромане персональные судьбы героев дадут общую картину происходящего в стране. Поэтому так много людей в эпизодах.

Егор Ярков – отец Кости Яркова, охотник и следопыт.

Сказал сыну: «Чалдон шапку не ломит!» И через неделю

умер во сне. Ярков-отец был против службы сына в НКВД. Носил окладистую бороду и косоворотку. Подпоясывался шелковым шнурком. Любил пить чай из самовара и петь песни. Сначала ему аккомпанировала жена Глафира.

Потом сын Костя. Любимая песня Яркова – «Ой да не вечер, да не вечер...»

Сын Кости Яркова – Егор, по прошествии многих лет геолог, начальник партии. Очень похож на отца, которого он впервые встречает на митинге освобождения тоннеля от ледового плена. Обладает обостренным чувством справедливости. Воспитанник школы-интерната.

Сань-кья – он же Санька, японский военнопленный. В индивидуальной карточке учета настоящее имя Саньяма-сан. За что осужден, пока и сам не знает. Просто военнопленный. Осенью 45 года советские войска разгромили Квантунскую армию. Санька – *придурок*. Рабочий хозблока лагерного пункта. Помогает Сталине Говердовской вести домашнее хозяйство. По воспитанию – самурай. Саньяма, с японского, фиксация разума на одной мысли или предмете. Достигается с помощью концентрации, медитации и созерцания. Санька занимается йогой даже в условиях вечной мерзлоты и голодного плена. Пока еще не доходяга. При упражнениях выбрасывает ногу вперед и вверх. Грозно кричит: «Кья!»

Отсюда и прозвище: Сань-кья. Любимая присказка: «Без риса!» Говердовская наказывает ему: «Сегодня на ужин по-

жаришь картошки!» Санька скалится и презрительно отвечает: «Без риса!»

Сталина понимает. Саньке все время хочется риса.

Майор Савёнков – интендант из города Свободного. Сексуально озабоченный офицер-снабженец. Не пропускает ни одной красивой женщины-зэчки. Прекрасный отец, обо-жает свою дочку. Сам заплетает ей по утрам косички перед школой и повязывает банты. К несговорчивым зэчкам применяет пытку – *распалку*.

Аня Пересветова – чертежница. Часто ее простонародно зовут Нюрой. В курсовой студенческой работе по истории ВКП(б) процитировала Ленина и Маркса, забыв сослаться хотя бы один раз на труды Сталина. По доносу руководителя курсовой, доцента Якубова, получила 10 лет ИТЛ. На зоне влюбилась в кума по имени Вадим – оперативника, работающего со стукачами и суками – уголовниками, отошедшими от воровского закона. Сама Аня не сука и не давалка.

Отказала в притязаниях майору Савёнкову.

Веснушка – рыженькая девчонка восемнадцати лет. Училась на машинистку в Биробиджане. Ходила в кружок рисования. Осуждена за кражу колосков с колхозного поля под селом Валдгеймом. На противоправные действия (формулировка из заключительного обвинения) подбила старшего брата и двух сестер-малолеток. Оп-паньки! А это уже сговор. И организованная преступная группа. ОПГ. То есть шайка. Наказывается по-другому, сроком до 10 лет. Брата Веснуш-

ки отправили на Ванинскую пересылку, дальше следы теряются. Скорее всего, на Колыму. Сестер определили на *малолетку*. Веснушку – строить Дуссе-Алинь. Ночь любви ее первая ночь с мужчиной. Тетки-ложкомойки, с которыми она придурается на кухне, подробно проинструктировали ее, что и как. Главное, куда. Но она все равно трясется от страха.

Губы подвела вареной свеклой, брови – угольком из костра.

Позже мы узнаем, что ее зовут Люба.

Путей Стоятель – путевой техник-смотритель со станции Облучье. По его недосмотру поезд с цистернами сошел с рельсов. Вредительство в чистом виде. Пятьдесят восьмая статья УК – пункт 7: подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы.

10 лет ИТЛ.

Денежного обращения Стоятель не подрывал. И кредитной системы не рушил. Но на допросе в Хабаровске следователь НКВД, прихвостень начальника краевого управления полковника Гоглидзе, сказал ему, что в результате разлившихся из цистерн химикатов погибла целая деревня. Ее выжгло. И виноват в этом он. Название деревни Шмелевка. С той поры Смотрителю снятся васильковые поля и шмели, шмели...

Он лежит среди васильков и смотрит в небо.

По небу плывут облака.

Шмели кружат над цветами и никак не могут улететь. Ко-решит с отцом Климентом, Апостолом. Сам себя называет Князем тьмы и Стоятелем путей. Склонен к богоискательству. Веснушку выбрал в толпе зэчек неслучайно. На воле осталась жена Вера.

И она ярко выраженная шатенка.

По жене он скучает. Стоятелю лет сорок.

Потом мы узнаем, что его зовут Серега.

Лазарь Ефимович Ревзин – *лепила*. Одноногий врач-хирург Дуссе-Алиньского лагерного пункта. Ногу потерял на Хурмулинской, под Комсомольском-на-Амуре, пилораме. Делал первичную обработку раны себе сам. Что интересно, еще нет никакого намека на дело врачей-убийц, а Лазаря Ефимовича, человека в старомодном пенсне, обзывают на Дуссе-Алине врачом-вредителем. Потому что он редко кому выписывает липовую справку о высокой температуре. Еще одно погоняло хирурга – Культияпа. Думаете – из-за ноги?! Тут все тоньше... На торжественном мероприятии, посвященном Дню 7 Ноября, в зале Хабаровского медицинского института молодой тогда еще кандидат наук Лазарь Ревзин немотивированно (первым) прекратил бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Понятно – в честь кого.

Немедленно был высчитан энкаведами, сидевшими в зале и переодетыми под студентов.

10 лет с поражением в правах.

Любит матерщинные частушки и дружит с бандеровцем

Мыколой.

Дядя Коля Бородин – смотритель водомерного поста на Бурее. Бывший начальник почтового отделения в Дуссе-Алинском лагпункте. Ушедший из церкви Апостол и покинувший пост истопника тоннеля Костя Ярков находят приют в зимовье Бородина. Зимой и летом дядя Коля ходит по дому в обрезанных валенках и меховой жилетке. Мерзнет. Не любит вспоминать свое прошлое. Горстями ест клюкву. Она снижает кровяное давление.

Кум Вадим – оперуполномоченный лагпункта. Лысоватый капитан НКВД. Отращивает длинную прядь волос, чтобы прикрывать голый череп от уха до уха. Его возлюбленная, Аня Пересветова, промокает платочком капельки пота на лбу Вадима.

Старший политрук (к тому времени зам командира по политической части) саперного батальона. Уличил Захара Притулова в пораженческих настроениях. Сообщил в органы.

Любит иронично повторять к месту и не к месту: «Ну-ну...»

Сторож-обходчик – на разъезде Сулук. Бежит telefonировать о появлении странной группы то ли охранников, то ли переодетых зэков, конвоирующих опасную политическую зэчку. Захар успевает ножом перерезать линию телефонной связи. Но сторож уходит пешком навстречу дрезине. В дальнейшем он погибает, сраженный очередью из автомата.

Мыкола отомстил ему за донос.

Два порочных зэка – в ожидании ночи любви притаились в кустах багульника. Для них предстоящее действо – *сеанс*. На лагерном языке сеанс – эротическая фантазия, стриптиз, наблюдение за сексуальной встречей любовников. Даже окурочек со следами губной помады для истосковавшегося без женщин зэка настоящий сеанс. Что уж говорить о том сеансе, который пришли посмотреть два дровичлы, как их презрительно называют в лагере.

Заключенный К-3820 – Жихарев. Живая мишень. На него натравливают служебную собаку во время пикника кум Вадим, Летёха Василий и майор Савёнков. Жихарев собаку убивает заточкой.

Группа актеров – папа Карло, Буратино, Карабас Барабас, Пьеро, Мальвина (ее приглашают сыграть Говердовскую). Они показывают на празднике первого поезда сцены из спектакля про золотой ключик.

Группа зэков-физкультурников – они, по команде, строят живые пирамиды. Среди физкультурников есть девушки.

Группа танцоров-вохровцев – синхронно бьют чечетку над тоннелем.

Там сооружены специальные подмости-антресоли.

Студенты-туристы из Хабаровска – сплавляются на байдарках по реке Тырме. Поют у костра, на водомерном посту, песню Городницкого «Перелетные ангелы». Косте Ярко-

ву особенно нравится одна из них – Лена. Он пытается ею овладеть, но получает по морде от Леши, студента и боксера.

Кириллыч – старший рабочий в геологическом отряде Егора Яркова, сына Кости. Кириллыч – бывший вор-рецидивист. Все время думает о том, как прибрать золото, найденное в бараке на ручье Большой Йорик.

Много героев?

Но и это еще не все.

Мы ведь не обещали водевиля.

Первая серия

Ночь любви

Ранняя весна 1956 года

Перевал Дуссе-Алинь

Перед печкой-буржуйкой, в таежной заимке, срубленной на левом склоне у восточного портала тоннеля, сидит на скамейке Костя Янков. Он чистит пистолет-парабеллум, протирая ветошью каждую деталь. Вбивает в рукоятку обойму, загоняет один патрон в ствол. Не слышит сухого щелчка. «Непорядок, – думает Костя, – надо бы флажок предохранителя проверить».

Костя высокий и плечистый малый. Ему, наверное, лет тридцать пять. Виски слегка тронула седина. И он чалдон.

Так называют в здешних местах выходцев с Дона – казаков-переселенцев, чьи предки уходили от царя в Сибирь и на восток страны.

Давнее, тревожное время.

А сейчас оно не тревожное?

«Времена не выбирают, в них живут и умирают». Написал поэт Александр Кушнер.

В отличие от Заболоцкого и Мандельштама, он не сидел в

лагерях. Но написал точно: «Что ни век, то век железный».

Казачи не хотели подчиняться цареву указу. Убегали в Сибирь и на Дальний Восток, женились на местных красавицах. Якутках, тунгусках и эвенкийках, дочерях вождей таежных племен. Рождались дети с голубыми глазами и черными, как вороново крыло, волосами. Они становились упрямыми и непокорными охотниками, рыбаками и землепашцами. Они все время шли встречь солнцу. Ярковы, Ермаковы, Панкратовы, Фокины... Умные и выносливые. Преданные роду. И снова у них рождались дети. С узкими уже глазами, широкими скулами и желтоватым цветом кожи.

Их дразнили: «Желтопупый чалдон!»

Так образовалась прослойка населения, которую прозвали чалдонами. Чалдон – человек с Дона.

Наполовину он русский, наполовину – тунгус.

Тунгусами тогда считали всех туземцев-аборигенов. А ведь были еще в тех краях камчадалы и *сахалы*. Беглые каторжники с Камчатки и Сахалина. Они становились сплавщиками, золотоискателями, погонщиками собак. Каюрами.

Люди фарта, очень часто – разбойники и душегубы.

Да просто злодеи!

А чалдоны – те блюли православную веру, держали чистоту и порядок в домах. «Крыльцо блестит – чалдон живет!» Так про них говорили в селеньях по Ангаре, Бурее, Амгуни и Амуру. По воскресеньям чалдоны всей семьей гоняли чаи из медных самоваров. Ведро входило в такой самовар.

Менялись черты их лица, но не менялся уклад жизни. Гордость чалдонов тоже не пропала в веках.

Мы пока не знаем, чем занимается Костя Ярков.

Сейчас он собирается в дорогу. Почистил пистолет, растопил печурку, чтобы вскипятить чай, обувается в торбоза. Торбоза – меховые сапоги, сшитые из камуса, части шкуры с голени оленя.

Костя заваривает чай с лимонником. Лимонник растет у ручьев по склонам южных сопок. В здешних местах он большая редкость. Костя бережет каждую ягодку. Можно заварить горстку, а можно прямо с куста наломать красно-зеленых веток-лиан и сунуть в кипящий на походном костерке котелок. Кружка чая с лимонником – и легко идешь десять километров на широких лыжах по охотничьему путику с расставленными на соболя кулёмками. Ловушки такие.

Холщовый мешочек с сушеным лимонником висит, подвешенный к центральной балке потолка. Камера подробно показывает убранство заимки. Закопченный чайник на плите, мутное и подслеповатое окошко, затянутое то ли рыбьим пузырем, то ли какой-то пленкой, напоминающей слюду. Явно не стекло. На подоконнике лежат патроны с пыжами – рыжими, из войлока, и особая блесна. Эх, блесна-блесёнка! Сам бы ловился на такую... Стальная пластинка, обшитая беличьей шкуркой. Называется «мышь». На блесну-мышь в здешних горных реках ловят редкую рыбу тайменя. Ловят глубокой ночью, когда таймень играет на плесах и хвостом

глушит падающих в стремнину с берегов полевков и бурундуков.

Встык с подоконником небольшой, но крепкий стол. На нем стоит чалдонский самовар – медный, бликующий от языков пламени в буржуйке. Достался в наследство от отца.

Невысокой стопкой сложены тетради. По виду школьные. В одной из них – той, что потолще и с коленкорovým переплетом, Костя пишет то ли повесть, то ли воспоминания. О том, как он служил на стройке-500. В других, в косую линейку и в клеточку, ведет записи о глубине снега и перепадах температуры возле тоннеля. Еще недавно Костя Ярков учился на преподавателя. Историко-географический факультет Комсомольского-на-Амуре пединститута.

Его открыли два года назад, в 54-м.

Отдельно стоит аккордеон с перламутровой отделкой.

Он трофейный, немецкий. Называется «Koch».

Аккордеон прикрыт вышитой салфеткой.

Вышивка – морской парусник.

Костя умеет играть на аккордеоне.

Под столом лежит лоток для промывки золота на таежных ручьях. Старатели его называют *батюра*. Лоток выдолблен из толстого ствола тополя.

В здешних местах на любой речке встретишь лепестки и тычинки золота. Старики говорят, что даже самородки падаются.

Костя не только любит писать воспоминания, играть на

аккордеоне и измерять глубину снегов.

Еще он любит искать самородки.

Хотя это и не основное его занятие.

На столе лежит большая книга в кожаном переплете. Сразу видно, что редкое издание. Крупным планом, на весь экран, наплывает страница. Читаем: «НКВД СССР. Управление по изысканиям и проектированию Байкало-Амурской ж.-д. магистрали. Бампроект. Экземпляр № 24. Комсомольск-на-Амуре. 1945 год».

Как попала такая редкая книга в охотничью избушку, мы пока не знаем.

В центре первой страницы фолианта – глобус, на котором красной жилкой бьется новая трасса. И мы сразу осознаем ее важность не только для Советской страны, но и для всего земного шара.

Байкало-Амурская магистраль.

Так называется дорога, обозначенная на глобусе.

Кто-то переворачивает страницы. Кажется, что само время. На следующей, прямо в центре, надпись:

*«Автором проекта Байкало-Амурской
железнодорожной магистрали является
“БАМПРОЕКТ НКВД СССР”».*

И сразу какое-то странное чувство охватывает нас.

Гордость перемешивается с тревогой.

Возникает нарезка кадров.

Мы видим, как загораются костры вдоль магистрали.

Пахнет гарью, тяжелой хвоей, лают сторожевые псы и слышна лагерная брань. Сержант-контролер в белом полушубке открывает ворота. Они покрыты инеем и тоскливо скрипят на ветру. Еще раннее утро и потому темно. Крупные звезды на небе. Луч прожектора с вышки освещает ворота. Над верхней балкой, примотанный колючей проволокой, висит замерзший зэк. Он в полосатой телогрейке. В натуре – *жмур*.

В ногах у него фанерка с надписью «Так ему и надо!»

Неудачно ушел в побег. Замерз на берегу эвенкийской речки Аваха.

Что по-русски значит Чёрт. Еще не знакомая нам речка. Она бьется, как в клетке, в каменном ущелье у Дуссе-Алиньского тоннеля.

Тело беглеца на жердине принесли в лагерь.

Руки-ноги связаны, продета палка.

Так носят добытого оленя охотники.

И в назидание примотали над воротами.

До весны и провисел. Пока не пошел тленом.

Так ему и надо...

Эх-эх!

Костя вздыхает, вороша в печке лучину вперемежку с берестой. Огонь лижет лучину, береста потрескивает и скручивается в огненные колечки. Мы видим руки Кости Яркова, он греет их у огня. На левой ладони, между большим и указательным пальцем, прямо в ложбинке, татуировка: Ста-

лина.

Нет, не Сталин, а именно Сталина. Женское имя.

Хотя понятно, в честь кого Сталинами называли в те времена девчонок.

У Кости на заимке хорошая печка-буржуйка. Тяжелая. Она сварена из листовой стали, обложена круглыми валунами.

Гольцов и каменных осыпей здесь куда тебе с добром! А на трубе задвижка.

Зимовуха не выстудится.

Ведь обычно тепло улетает за пару часов из охотничьей заимки.

Печку Косте оставили военные дядьки. То ли изыскатели, то ли маркшейдеры. Они готовили Дуссе-Алинский тоннель к консервации.

Уже какой по счету!

Начальник партии, капитан, сказал тогда Косте:

– В тепле будешь... Правда, тоннель такой буржуйкой не протопишь. Тебе придется разводить два костра, у западного и восточного порталов. Появится тяга, теплый воздух пойдет в тоннель. Даст бог, не зарастет льдом!

Предсказание капитана не сбудется. К началу 70-х тоннель полностью зарастет льдом. Солдатики железнодорожных войск совершат подвиг – очистят тоннель. 33 тысячи кубометров льда!

Но это когда еще будет!

А пока...

Пока Костя Ярков работает истопником Дуссе-Алиньского тоннеля. Рано утром он разводит костер у восточного портала. Хворост, береста, бревна-*швырок* заготовлены с лета. Потом топают по шпалам – один километр восемьсот пятьдесят два метра. Такая, по документам, длина тоннеля. И на портале западном, в сторону Солоней и Ургала, а если смотреть по карте еще выше, то в сторону Нимана и Йорика, разводит второй костер.

Йорик – горный ручей за Ермаком и Усть-Ниманом. По трассе от Чегдомына на Софийск. Есть Малый Йорик. И есть Большой. Йорик манит Костю. Там нашли много золота. Вот бы испробовать на ручье свое корытце, выдолбленное из тополя. Почему-то Костя точно знает, что на Большом Йорике его поджидает удача. Старатели говорят – фарт.

Костя любит смаковать местные географические названия. Перебирает буквы во рту, как горный ручей перекачивает камешки-голыши. Йорик, Ермак, Иерохан, Алонка... Гора Джалогумен, 1300 метров над уровнем моря.

Все знакомо с детства.

И по-прежнему тянет туда, в эти загадочные точки на карте.

Костя прикрыл задвижку на трубе, сунул пистолет в удобный, специально пришитый под мышкой, брезентовый карман, похожий на кобуру. Подпоясал телогрейку офицерским

ремнем и вышел из зимовья.

Петли на входной двери печально скрипнули.

Ржавый звук повис в густом воздухе.

От портала тоннеля поднимался туман.

«Надо бы смазать солидолом, – тревожно подумал Костя про двери, – нехорошо, когда петли так скрипят. Плохая примета. Вот вернусь и смажу. И предохранитель на пистолете проверю. Обязательно».

И тут же успокоил себя.

Сталина как говорила? Если деревья покрылись инеем, все будет сказочно!

Недалекие кусты закуржавились, елки стояли с белыми кронами, словно принарядились в нарядные шали.

Оттепель обычно приходила перед метелью.

Костя пришел на заимку чуть больше года назад.

Пришлось избушку ремонтировать. Заменял прогнившие доски крыльца, подоконники. Стекло в единственном окошке тоже было выбито. В одном из бараков лагеря нашел кусок слюдяной пленки, прибил ее гвоздями.

С ворот на вахте зоны снял запор-щеколду. Массивная пластина со шляпками заклепок, стальной штырь, входящий в круглые петли, и отдельно крючок, больше похожий на крюк. Щеколда и заклепки заржавели. Отмочил в керосине. Приладил на двери избушки.

Щеколда легко, с лязгом, закрывалась. Только пальцем тронь.

А потом подумал: зачем сейчас щеколда в тайге?

Мы сейчас хорошо видим лагерный забор.

Грубые шляпки с заусенцами, ржавчина, въевшаяся в пластину, сама щеколда с отполированной ручкой штыря.

Множество раз его открывали и закрывали.

Щеколда покрыта изморозью.

Когда Костя вернулся на Дуссе-Алинь и первый раз зашел в бараки, он был неприятно удивлен. Все сохранилось! Нары-вагонки, грубые столы, печки, обмазанные глиной и обложенные валунами. Кое-где, правда, по кирпичам побежали трещины. Лагерный пункт был готов к приему зэков. Хотя после последней консервации тоннеля прошло уже почти три года. Вышки охранников по периметру стояли не покосившиеся, колючая проволока предзонника не провисла. А ведь строили в 39-м, наспех. Но получилось основательно! Как на века. Косте даже показалось, что он слышит лай овчарок и молитву начкара на переходе в промышленную зону: «Внимание, заключенные! Вы поступаете в распоряжение конвоя... Шаг влево, шаг вправо...»

Костя из барака выскочил как ошпаренный. Хотя мог бы на первое время устроиться в камерке дневального. Там даже лампа керосиновая осталась стоять на тумбочке. Правда, фитиль, как шагреневая кожа, съежился и засох. Почти окаменел.

Больше в барак он не возвращался. Единственное, что сделал, разобрал в своей избушке нары и перенес туда желез-

ную кровать из бригадирского отсека. А может, то был закуток дежурного по барaku. Начальство и начальнички помельче, придурки, устраивались в лагерях основательней зэков. В комнатухах-пеналах, которые называли кабинками, на стенках висели лебеди и крымские ротонды, увитые плющом и виноградом. Картины рисовали на клеенках зэки, умельцы и мастера на все руки. И пианисты среди них встречались, и цирковые, и литераторы.

А уж художников всегда хватало с избытком.

Костя привалил дверь своей зимовухи брёвешком.

Охотничьи избышки в тайге не запирают.

На сотни верст в любую сторону ни души. А заимка в лесу – на то она и заимка. Она примет и обогреет любого путника: сбившегося в пути туриста, продрогшего охотника, беглого арестанта.

Заимка даст взаймы.

Охотник оставлял в избышке для других, проходящих следом, сухие дрова, спички, соль, сухари и мешочек муки.

Так было положено по таежному закону.

Правда, сейчас в тайге уже всё по-другому. Вместо приземистой, словно вросшей в скалу, избышки можешь найти обгорелые бревна и пепелище. Пьяные туристы, в отсутствие фейерверка и петард, устраивали себе прощальный костер.

Но ни туриста, ни беглого зэка в дуссе-алиньской тайге не встретишь. Лагеря давно позакрывали, а зэки побросали свои тачки.

И ушли из бараков.

Напомним, что стоит холодная весна 1956 года.

Точнее – самый конец февраля.

Люди гражданские в поселках и *вольняшки* – вольнонаемные, что работали в системе Бамлага, часто путали понятие лагерь с лагерным пунктом. Костя давно это понял. Когда-то он работал в Амурском лагере. Управление квартировалось в Свободном, тогда еще поселке. Городом его назовут позже. Парадокс жестокого времени. Город Свободный – столица арестантского края. В ведении Амурского лагеря находилось не менее пяти десятков лагерных пунктов. Лагпункты, они как патроны в обойме. Тяжеленькая и ладная, обойма сама ложится в рукоятку пистолета. А рукоятка в ладонь. Оружие словно прирастает к руке. В обойме подогнанные друг к другу, прижатые тугой пружиной патроны. Готовые к выстрелу.

Только сними предохранитель и нажми курок. Еще отец говорил Косте: «Знаешь, что самое удобное в мире? Оружие... Да хоть то же охотничье ружье возьми! Как будто растет из плеча. Так люди придумали».

Костя, когда уволился из органов и собирался поступать в институт, надежно спрятал свой парабеллум. На задах родительского огорода в Ургале. Смазал солидолom, обернул промасленной ветошью, туго запеленал брезентом и в железном ящичке закопал за баней.

Патроны хранились отдельно, на чердаке.

Почему-то знал Ярков, что пистолет ему еще пригодится.

Не закончив первый курс, Костя институт бросил.

Студенческая вольница оказалась не для него, офицера, живущего долгие годы по приказу. Да и староват он был для института. Однокурсники – сосунки, которых он учил стрелять в осоавиахимовских кружках, и преподаватели-демагоги уже не таясь разглагольствовали о сталинских застенках, о лжетеориях в языкознании и обзывали Костю *вохряком*. А что плохого сделала ВОХРа? Она охраняла преступников и врагов народа. И вот вам пожалуйста – вохряк. Костю, фронтовика и офицера, такое отношение к себе коробило. В отставку он ушел в звании капитана МВД. НКВД упразднили в марте 1946 года. Костя хорошо запомнил ту весну. Он вернулся с войны. Добивал в Прибалтике лесных братьев. Поступил на работу в Амурский лагерь, а потом в управление к начальнику Бамлага Френкелю. Тогда же встретил Сталину Говердовскую, свою любимую. На Дуссе-Алине.

Встретил и потерял. За одну ночь.

Но зато какая это была ночь!

Сталину арестовали по подозрению в связях с японской разведкой и за антисоветскую пропаганду. Косте пришлось давать устные показания на Сталину. Иначе бы сам не выжил. Не вступил бы в ряды славных голубых фуражек. А погнажи бы чалдона Костю Яркова по этапу.

А что для чалдона страшнее смерти?

Неволя...

В лагере Сталина родила ребенка – мальчика. Потом, рас-

сказывали, ее досрочно освободили. А может, попала под амнистию. Сталин уже умер. Кто-то из общих знакомых по службе на стройке-500 сказал Косте, что мальчишка похож на него, Костю Яркова. Как две капли воды.

Эх, эх!

Домой, на Ургал, после первого курса возвращаться было стыдно. С фронта пришел героем-орденоносцем и в лагере тоже не оплошал. Даже беглых зэков доставал метким выстрелом. Имел благодарности генерала-лейтенанта Френкеля и Почетную грамоту за подписью самого генералиссимуса Сталина. А в институте не смог справиться со сворой *сильно грамотных*. Злобных и коварных зверьков. Откуда только в наше советское время народились такие?! Девчонки-студентки были похожи на крикливых соек. Пацаны на хорьков. На коллоквиумах по истории, коллективных толковищах, они сбивались в стаи и набрасывались на труп упавшего льва. Кто только не клевал умершего вождя... Косте было невыносимо слушать такое! Направляли хорьков и соек кудловатые тетки-преподавательницы, Костя называл их росомахами. Росомаха, обжора, идет на падаль... Доценты и профессура истфака, где учился Костя, многие из них – вчерашние фронтовики, пугливо поджимали хвосты и на прямые вопросы студента-переростка Яркова: «А что же происходит с теорией и практикой обострения классовой борьбы по мере победы социализма?!» отвечали уклончиво. Дескать, классовую борьбу никто не отменял. Но средства не

всегда оправдывают цель. «Опущенные волки», – думал про них Костя. Подранных и побитых волков он встречал в ургальской тайге. Они скалились издали, но боялись подходить к человеку со стволом в руках. Не зря у эков существовало ругательство *волки позорные*. И вся свора, которую Костя сравнивал с пакостным зверьем, навалилась на Сталина. Еще вчера они славили Иосифа Виссарионовича. Ведь нельзя же было не славить! А сегодня со сладострастием слушали малолеток, рассуждающих о перегибах на местах и об очищении партии.

Берию уже расстреляли. Пели частушку:

Берия, Берия – вышел из доверия!

А товарищ Маленков надавал ему пинков.

Антисоветская пропаганда. Та же 58-я статья, пункт 10.

Бывший почтарь на лагпункте женского портала дядя Коля Бородин, а теперь смотритель водомерного поста на Буре, – Костя приезжал к нему на тайменную рыбалку, – как-то задумчиво спросил вечером, у костерка: «Костя, ты не знаешь? По радио все про какой-то *куль* талдычат... Вроде как Сталин его скоммуниздил».

Анекдот!

Костя коротко хохотнул.

У дяди Коли было три класса начальной школы. Но бабские посылки на Дуссе-Алине он шмонал ловко. В накладе

не оставались ни зэчки, ни их начальницы. И себя, конечно, он не обижал. Косте, как земляку, тоже перепадало. Такие были понятия. *Бердычом* надо делиться каждому. Кто этот бердыч, посылку с воли, получает. В посылках колбаса копченая, сало и печенье, носки теплые, вязанные из козьего пуха.

Костя институт бросил и как-то сразу отчаянно забомжевал. Кантовался то на речных баржах и дебаркадерах, то на железнодорожном вокзале. Там легко было затеряться среди пассажиров. Связался с блатными и попрошайками-инвалидами на каталках. Их звали самоварами. Торговали порнографическими открытками и краплеными картами. Они-то и свели Костю с главным самоваром Комсомольска, Мыколой-бандеровцем, Николаем Степановичем Гринько. Говорили, что Мыкола, безногий, *ушел на рывок* – сбежал из лагеря. Собрал местных золотушников-старателей в артель «Амгунь». Костя пришел к Мыколе устраиваться на работу начальником охраны. Мыкола оказался *нотный*. То есть опытный и знающий. Посмотрел на Костю пристально глазами-буравчиками.

Словно прострелил насквозь.

И задал единственный вопрос: «Вертухай?»

Костя напрягся. Ну что они все – сговорились, что ли? «Я снайпер!» Мыкола прищурился: «Не ты ли, милоч, гонял нас по Солоням?! Трех корешков моих положил – Захарку, Писателя и Смотрителя путей. И бабешку одну – Зину,

портниху».

Костя вздрогнул.

...Через год службы в Управлении Бамлагом его срочно отправили в командировку на Дуссе-Алинь. Там группа опытных зэков-паханов, так пояснили, когда ставили задачу, очень умно сбежала. Устроили шухер и погоню направили по ложному следу.

А сами ушли в сторону Ургала.

Костя летел из Свободного на «Аннушке». В дороге все продумал и вызвался догнать. Попросил коня и снайперскую винтовку. Начальник лагпункта, майор, усмехнулся: «Разве *паркетные* бандитов ловят?» Офицеров, служащих в Управлении, конвойные и вохра называли паркетными.

Четверых он тогда завалил. А двое, сам видел, ушли.

Поначалу с Мыколой они не договорились.

Костя вернулся на вокзал. Там его приютил Апостол – поп такой, очень ласковый. Расстрига, кажется. Звали его отец Климент. Вроде бы тоже мотал срок, сначала на станции Известковой, потом на стройке-500. Апостол выправлял бывшим заключенным справки, покупал прописку и устраивал на работу. Костя помогал Клименту в церкви, вроде как староста... Сам себе не мог поверить: Костя Ярков – церковный служба!

Коммунист и капитан МВД.

Апостол знал Костину историю. И наставлял Яркова молиться. Костя молиться не хотел. Не видел в молитве смыс-

ла. Произносишь какие-то непонятные слова и – что? Ничего не происходит и ничего не меняется. Апостол говорил: «Молиться надо не словами, а душой!»

Но не объяснил подробности. Как это, молиться душой?

Напившись, Костя выскакивал в зал ожидания и громко командовал: «Вы поступаете в распоряжение конвоя! Оружие к бою! Дослать патрон! Стреляю без предупреждения... Шаг влево, шаг вправо – попытка к побегу! Порядок на зоне!»

Собирались на колясках самовары, смеялись над Костей, бросали в него чурбачки, обшитые кирзой. Чурбачками они отталкивались от асфальта. Появлялся наряд милиции. Костю забирали в отделение, но вскоре отпускали: «Товарищ капитан запаса, вы ведь заслуженный человек. И такое творите!»

В чемоданчике-балетке Костя носил ордена и медали. Они там побрякивали. Хранил всякие справки и наградные документы. Во время любой пьянки балетка стояла рядом. Так верная собака лежит у ног.

Очень жалел, что не отрыл с родительского огорода и не взял с собою пистолет. Всех бы перестрелял.

Потом Мыкола Гринько все-таки взял Костю в охранники. Охранять нужно было не только его самого, председателя артели, но уже и золото. Костя съездил на Ургал, отрыл за родительским домом свой фронтовой пистолет. Не долго лежал в земле. Не заржавел и предохранитель, тогда еще не

сбился.

Стояли на ручье Большой Йорик, далеко на север от Чегдомына. Прииск открыли заново, назвали Йориковским. Вот тогда Костя и пристрастился к старательскому лотку. В любую свободную минуту бежал на ручей. Во все глаза смотрел, когда на дне лотка заблестят золотые крупинки.

Страсть к золоту оказалась тяжелее запоев.

Она была сравнима со страстью к женщине.

Апостол сокрушался: «Ты болен. Душою болен. Уходи, один, в тайгу. Там горами и снегом надышишься. Сердцем отойдешь. Иначе сопьешься или тебя убьют. За золото. Такие же, как ты сам!»

Через Мыколу отец Климент устроил Костю истопником. Всякий раз, уходя на работу – в тоннель, Костя брал с собой парабеллум. Не знал – зачем? Такая привычка осталась от офицерства. За год ведь здесь ни души не встретишь. Броди не броди по тайге, кричи не кричи. А зимой даже местные птицы-дальневосточницы, что не улетают на юг, прячутся в дальних распадках и в расщелинах скал. Недавно приезжал на дрезине обходчик с Ургала – привез сухари, муку и сахар. И рассказал Косте, что мерзлотную станцию у западного портала собираются расконсервировать. То есть запустить заново.

Наверное, продолжают строить дорогу и станцию.

Значит, скоро здесь снова появятся люди.

Важная новость. Он ведь убегал от людей.

Накануне, складывая пленницу у крыльца, Костя учуял запах дыма. Тянуло ветерком с дальнего портала. Сначала он думал, что пахнет головешками большого костровища. Каждое утро с двух концов он протапливал тоннель. Но тут же заметил, что Кучум, его ургальская лайка – помесь волка с собакой, тоже ведет себя настороженно. Крутится под ногами, уши ставит домиками и, подняв голову, нюхает воздух.

Кучум достался ему щенком в наследство от отца-охотника.

– Кого учуял, старший лейтенант? – спросил Костя и потрепал Кучума по холке. Ладонью почувствовал, что шерсть на загривке у кобеля вздыбилась и пошла волною, поверх ошейника. Ошейник у собаки был особенный. Костя сам его сделал из широкого ремня. Ближе к застежке прикрепил три ромбика, сняв со старой гимнастерки. Потому, стало быть, и старший лейтенант. Может, Костя так сам над собой иронизировал?!

Рассвет тронул розовым вершину хребта. Костя увидел, что уступы бетонного портала тоннеля тоже покрылись белыми узорами. Оттепель. Весенние циклоны приходили издалека, с Охотского побережья. Метеорологи Ургальской станции говорили, что циклоны зарождаются в предгорье Джугджурского хребта, более протяженного и мощного, чем Дуссе-Алинь, проходят амурскими долинами, упираются в Сикачи-Алян и только потом, окрепнув в пути, поворачи-

вают и со страшной силой обрушиваются на Дуссе-Алинь. Пуржило три-четыре дня без остановки. Белая мгла накрывала тайгу, скалы, ручьи и лесотундру. Протяни собственную руку перед глазами – не увидишь в мареве. Кто-то сто-нал и ухал в ущелье, там, где уже ломала лед дикая река Чёрт. Раскачивались и скрипели над головами вековые кедры. Мо-рока тому охотнику, кого весенняя непогода застанет на тро-пе. А нередко и беда. Нужно лепить из снега юрту, наподо-бие эскимосского иглу, и пурговать несколько дней.

Костя заторопился, потому что сегодня решил развести костер и проверить поставленные в распадке на соболя пет-ли. Потому и взял с собой охотничьи лыжи. И старательский лоток, не удержавшись, сунул в рюкзак. Понимал, что еще рановато. Сезон начинался в конце апреля – начале мая. На реке, по берегам, еще синели наледи, но таежные ручьи, впа-давшие в Чёрт, уже шуршали камешками. Несли невидимые, но вожделенные золотинки.

И самородки они тоже перекачивали.

Косте не терпелось присесть на корточки где-нибудь в устье ручья, покачать осторожно лотком, смывая песок до тех пор, пока не обнажится шлих, мелкие черные зернышки. В шлихе золото. Дно у лотка шершавое, не ровное. Таким его делают специально, чтобы золотинки цеплялись.

Сердце у Кости заходится...

Вот же они, вот!

Заблестели на дне лотка.

Надо спешить. Золото любит фартовых.

Но была и *зупинка*.

Заусенец, который возникает на пальце. И болезненно цепляется всякий раз, что бы ты ни делал. Брал ли в руки плотницкий топор или нажимал на спусковой крючок ружья. Зупинка заключалась в том, что вернулся Костя не только к высоким отрогам, чистым ручьям и глубоким распадкам. И к самому белому, и к самому чистому в мире снегу.

Он вернулся к тоннелю, из которого всегда тянуло холодом.

Он вернулся к воспоминаниям.

К баракам, сторожевым вышкам и к видениям сторбленных зэков.

С вороватыми глазами и скупыми движениями.

Вороватыми-вороватыми – какими же еще!

Только Сталинка, Говердовская, считала их невинно осужденными.

За что и поплатилась.

А командир Бамлага, генерал Френкель, и сам Костя думали по-другому. Скупыми движения заключенных были потому, что опытный зэк-сиделец бережет свое тело каждую минуту. Больше беречь его некому. Френкель сформулировал точно: «Любой заключенный нам нужен первые три месяца...»

На Дуссе-Алине зэки жили подольше. Некоторые – по два-три года.

В студенческой жизни Костя оказался чужим. А там, у тоннеля, среди овчарок, багульника и колючей проволоки, он был свой.

И он был счастлив. Совсем недолго.

Там он встретился со Сталиной Говердовской.

Полюбил ее.

И потерял.

Эх-эх!

Если бы можно было вернуться назад.

Костин охотничий путик большой добычи не приносил. Но за нынешнюю зиму, небывало теплую и снежную, Костя добыл в кулёмки с десятков искристых соболей. Искусство установки самоловов, петель и кулёмок на зверька досталось ему тоже в наследство от отца. Как и охотничья собака.

За лагерные и городские годы Костя опыта не растерял. Не пропил его в кутежах по блатхатам города юности. Так красиво Комсомольск называли тогда в газетах. Для кого-то он был городом юности.

А для большинства – городом смерти.

А еще он торопился по другой причине.

Костя боялся рассветного часа, когда в тяжелом сумраке он ступал на тропинку, ведущую к portalу.

Все чаще ему стало казаться, что зэки шагают следом. Они идут на огонь раздуваемого Костей костра.

У зэков всегда так. Где огонек, там и рай. И блатные и политические костер называли одинаково: Ташкентом. Пер-

выми шли доходяги, совали в пламя свои красные и скрюченные лапки со следами цыпок и чесотки между пальцами. Бригадиры подходили последними. Грубо расталкивали эсков и садились к костру спиной. Грели натруженные кости. Костер – главное спасение для эка в промозглой тайге. Но и наряд не дремлет: «Занять рабочие места!»

Нет норматива сидения у костра.

Тут как совесть старшему наряда, сержанту, подскажет.

Костя сложил заранее нарубленную сухую щепу шалашиком, в основание сунул бересту. Потом пошли полешки покрупнее, а уже потом березовый швырок. Бревнышки такие, которые можно перекидывать одним броском.

Огонь весело сожрал щепу, перекинулся на поленья, затрещали березовые чурки. Да и ветерок помогал.

К утру он не стих и дул уже не набегам, как тундровый зверек. Ровно, как из трубы, тянуло из глубокого распада.

Костя спиной чувствовал – идут...

Четыре колонны эсков появлялись каждое утро.

Одна от березовой рощи, где до сих пор виднелся черный шрам просеки. Там валили лес для пилорамы. Другие эки понуро брели с поляны. Той самой, где раскинулось кладбище. Ровные ряды колышков с затесями. На них химическим карандашом писали номера умерших.

Третья колонна тянулась из промзоны. Шагали бетонщики в почти окаменевших от цемента робах. Крупнотелые тет-

ки-проходчицы, костистые и высокие, наползали по гребню сопки. Снегу наметало там почти по пояс. Казалось, что проходчицы ползут по снегу.

И наконец, тачковозы скрипели тачками по мосткам от склонов сопки.

Там они набирали грунт для отсыпки трассы.

Шли на пламя Костиного костра.

Ну... Зэки да зэки.

Сколько их Костя повидал на своем веку. Жалкие, сгорбленные, выражение лиц или настороженно-злобное – зэк всегда готов к тычку, окрику и удару, – или скорбно-тупое. Мутный взгляд под ноги. Зэк редко смотрит в лицо конвоира.

Колонны объединяла одна странность, она пугала Костю.

Телогрейки и бушлаты у зэков были... красного цвета!

Цвета крови.

Словно четыре кровавых ручья текли по склону сопки и впадали в тоннель. Оттенков красного было несколько. Бригадиры и нарядчики шагали в темно-алом, как будто бы бархатном. Цвета бордовых кулис в каком-то театре. Может, Большом – главном театре страны, который так любил товарищ Сталин. Рядовые зэки шли в кумачовых телогрейках.

Словно лепестки маков, телогрейки трепетали на ветру полами.

Зэчки, все-таки, наверное, потому что женщины, были одеты в малиновые бушлаты. Цвет менялся, если Костя пе-

реводил свой взгляд с одной колонны на другую. Потом он внезапно догадался. У него же высокое давление! И потому так кровавит в глазах. Но ничего не мог с собой поделать.

«И мальчики кровавые в глазах». Вспоминалось откуда-то, из тайников студенческой памяти. Только тут были не мальчики, а тетки и мужики. В бушлатах, подпоясанных веревками.

Костя слышал их шаги.

Все ближе и ближе.

Резко поворачивался.

Он надеялся, что видение пропадет.

Не пропадало.

Он видел лица зэков. Прозрачные и белые, словно картонные маски, выкрашенные белилами. Изморозью были покрыты их брови и ресницы. На шапках лежал снег. Некоторые зэчки кутались в грубые солдатские одеяла, подпоясанные обрывками веревок, ремнями и даже тонкой стальной проволокой. Костя понимал, что все они призраки. А не живые люди. Подкладывал и подкладывал поленья в пламя уже вовсю бушующего костра. Костя знал: чем скорее разгорится костер, тем быстрее пропадут видения.

Не дойдут они до портала.

Одна зэчка садится рядом, у костра, и тянет руки к пламени.

Она спрашивает:

– Как тебе живется без меня, Ярков?

Это Сталина Говердовская.

Она гладит Костю по щеке. Он чувствует ледяной холод ее ладони.

Костя развязывает свой вещмешок, достает из потаенного уголка янтарные бусы и протягивает Сталине:

– Вот смотри, смотри... Я сохранил!

Озирается по сторонам.

На снегу лежат желтые бусы.

Никого. Ни колонн эков в красных телогрейках, ни Сталины.

Только гудит пламя огромного костра. Ветер затягивает его в жерло тоннеля.

Там притаилась вечная мерзлота.

Костя проверяет пистолет под мышкой, забрасывает рюкзак за плечи и скользит в сопку на широких лыжах, подбитых камусом.

Снег еще лежит на ветках елей. Зима никак не отступит. Где-то снег искристый и тяжелый – на иглах стланика. С подтаявшей, а потом и заледеневшей, коркой. А где-то лишь припорошил кусты.

И уступы портала Дуссе-Алиньского тоннеля.

Высоко на портале хорошо виден барельеф Ленина – Сталина. Крупно выбита дата: 1947–1953. На сером бетоне уступов, присыпанных белой крупкой, кто-то оставил мелкие следы. То ли бурундук бегал – вышивал крестиком. То ли

белка прыгала, шелуша шишку.

Вон и скорлупки раскиданы.

Оголодали зверушки за зиму.

Мелкие следы обитателей тайги.

И один огромный след людей. Двухкилометровый тоннель в скале.

Уже капель на портале, но и сильно морозит по утрам. А то невесть откуда налетит, как изголодавшийся зверек, буран. Поначалу крутит хвостом между елок, а потом накрывает перевал сизой мглой.

И уже не зверек он вовсе, а седой и косматый медведь. Весна его, что ли, гонит из берлоги.

Чрево тоннеля дышит холодом.

Там весны не бывает. Изморозь на бетонных стенах. Капают тяжелые капли, эхом отдаваясь под сводами.

У портала, на серо-розовом камне, стоит деревянная тачка. Колесом она вмурована в гранит. Памятник такой. Первостроителям Байкало-Амурской магистрали. Скульптор неизвестен. Памятник не комсомольцам-добровольцам 70-х годов прошлого века, а зэкам 30-х.

Изменникам Родины и врагам народа.

Между ручек тачки-памятника висит цепь, похожая на кандалы каторжника. Зэки приковывали себя к тачкам. Потому что единственный инструмент – тачку, которая обеспечивала дневную выработку и хорошую пайку хлеба, ночью могли украсть другие зэки. Те, которые были заняты на вспо-

могательных работах и получали хлеба гораздо меньше тачковозов.

Знаменитое ноу-хау командира Бамлага, генерала Нафталия Ароновича Френкеля, главного прораба стройки: как потопашь – так и полопашь! Мотивация примитивная, но действенная. Когда нужно было рапортовать о досрочной проходке штолен или об отсыпке магистрали в рекордные сроки – к 7 Ноября, или там к 1 Мая, нарядчики вешали на далеко вбитом впереди колышке красный кисет с табаком.

Или крепили алюминиевый бидончик со спиртом.

Махорка и водка на зоне всегда дороже денег.

Но не дороже свидания с Варюхой. И спорить нечего. Варюха, по-зэковски, любовница.

Случка зэков и зэчек была в арсенале энкаведов на Дуссе-Алине, как способ поощрения за ударную работу путеармейцев скального фронта. Так их тогда называли в многотиражках стройки. Путеармейцы скального фронта.

Слова «зэк», как и «энкавед», в газетах того времени Костя не встречал. Да и энкавэдэшниками их звали только в народе. И то – шепотом.

А красный кисет – как дойдешь, так покуришь.

А бидончик блескучий – как дойдешь, так выпьешь.

Если будет чем закусить. Да поймать на мушку хариуса в бешеном Чёрте – речка так в распадке, внизу у тоннеля, в каменном мешке бьется, дело плевое! Был бы только крючок, сделанный из иголки. А можно еще из булавки. Только

правильно *опустить* жалыце на огне.

Вспоротый по хребту серебристый хариус с оранжевыми пятнышками по бокам, присыпанный сверху солью. Нет вкуснее закуски под спирт, разведенный водой из того же Чёрта.

А если еще и горбушка черного хлеба...

Хоть липкого и невкусного, как глина. Зэки его называют *кардиф*.

Много ли надо зэку! Он летом густо мажет лицо солидолом, чтобы мошка и комар не так жрали. А зимой дышит на контрольный термометр у ворот в промзону. Минус тридцать восемь! Надо бы сорок. Тогда дадут по куску горячего пирога с картошкой. И могут отменить лесоповал.

Молодой еще зэк, студент из Хабаровска по кличке Писатель, дует на столбик: «Поднимется!» Бывалый, бригадир фаланги бетонщиков, весь словно скрученный из мышц, ему отвечает: «Поднимется-поднимется... *Колымится!*»

Кружка горького, как отравы, пихтового настоя от цинги. Бочка стоит в коридоре каждого барака. И топают оба в строй, на утренний развод.

В бушлатах и в ватных штанах, с прожженными от костра дырами.

В чунях, сделанных из автомобильных покрышек. Бригадир, понятно, в старых, но все еще добротных валенках, подшитых дратвой.

На то он и *бугор*.

Все остальные в чунях.

Такие резиновые лапти назывались *суррогатками*.

Они оставляли на снегу ребристый след.

Стоят зэки, сгорбились.

Из чуней торчат клочки мха. А молоденький Летёха – так и надо его называть, с большой буквы, потому что в кино-романе Летёха – обобщенный образ офицера-лагерника, он – *начкар*, уже надрывается. Он творит *молитву* начальника караула: «Внимание, заключенные! Вы поступаете в распоряжение конвоя! Разобраться под руку пятерками! Шаг влево, шаг вправо – считается побег! Оружие – к бою! Дослать патрон! Конвой применяет оружие без предупреждения! Нарядчики – ко мне! Оркестр – марш! П-шел!»

Самая любимая команда сторожевых овчарок. П-шел!

Пошли зэки.

Пошли...

После них на снегу остается автомобильная елочка шин. Как будто огромная машина прошла своими колесами по зоне.

А может, и по всей ургальской тайге.

Бредут, как на похоронах.

Руки, по привычке, за спиной.

Лица замотаны тряпками.

Путеармейцы скального фронта.

Хрустит и картавит снежок под ногами...

Вообще-то Летёху зовут Василий.

С виду простой деревенский парень.

Но это только с виду. На самом деле он бериевский сокол-сапсан!

Голубая фуражка, синий кант. По околышу бликует звездочками иней. Фуражка-то, конечно, больше для форса. Сейчас прижмет морозец, и Летёха достанет из-за пазухи ушанку. Да ведь и ушанка у него особенная. Каракулевая. Отобрал у очкастого ханурика, по кличке Писатель, из Хабаровска. Того самого, что каждое утро дышит на термометр.

Урки не успели отобрать, а Летёха подсуетился.

На то ведь он и начкар!

Над центральными воротами лагеря висит плакат: «Труд в СССР есть дело чести, доблести и славы!» А чуть ниже, на широкой доске: «Кто не был – тот будет! Кто был – не забудет!»

Прибили доску старые зэки-повторники – еще соловецкие, не добытые троцкисты. Начальство разрешило.

А что?! Точнее ведь не скажешь.

Голосок лейтенанта ломается на утреннем морозе. И он дает петуха. Зато щеки офицера горят румянцем. А поди ж ты плохо! Летёхе не грустно в овчинном полушубке, в серых, новехоньких, валенках и в своей каракулевой шапке. Почти кубанке. Начальник лагпункта недавно пообещал Летёхе третий ромбик. Старлей. Не может быть, чтобы по пьяни болтнул!

Овчарка у ног Василия серо-седой масти. Скалится на лю-

дей, как будто смеется над убогими. А потом заходится в утробном лае.

Кажется, овчарку сейчас вырвет. Вот как она ненавидит окружающих ее людей. Говоря по-лагерному, псинка *кинет харч*.

Овчарка натаскана на людей в бушлатах.

От них пахнет бараком.

Овчарки ненавидят запах барачников.

Ко всему привыкает человек на зоне.

К лаю сторожевых псов привыкнуть невозможно.

Харкают кровью на снег зэки-путеармейцы.

Кто-то из них – *тубик*, а кто-то болеет цингой.

Десны кровоточат.

Духовой оркестрик на разводе – две трубы, барабан и литавры. Выводит: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Еще бы ему вольно не дышать, посланнику города Свободного!

Хрипят простуженные трубы, глухо и размерено бьет барабан.

Литавры предательски, по-стариковски, ухают.

Вот что видит Костя за тачкой на пьедестале.

Сколько раз, по распоряжению *кума*, тачку скovyривали ночью!

А наутро она возникала вновь. Вмурованная в гранит.

Но не кажется ли нам, что Костя засмотрелся на картин-

ки давно минувших дней. Минувших ли?! Контролер-сержант, хохол-дылда, уже горбатится, бренчит ключами и открывает предзонник. В предзоннике догорает утренний костер конвоя. Грелись *вохряки* перед службой... Надзиратели бегут с пачками картонных листов-формуляров в контору. Перекличку зэков ведут строго по спискам. Недосчитают одного-двух – начнут *шмонать* бараки.

Сегодня фаланги в полном составе пошли к тоннелю.

Нет давно никакого лагеря.

И костры вдоль магистрали погасли.

Все поросло бурьяном, подлеском, крепкими осинами и лиственницами. Лес в здешних местах растет быстро. В два раза быстрее, чем в самой России. Где-нибудь под Тверью. Деревья боятся вечной мерзлоты. Потому и торопятся во-круг себя пустить длинные и крепкие корни, чтобы уйти в рост и стать сильными. Чтобы никакая буря не вывернула их из земли.

Так же и здешние люди. Крепкие и кряжистые, жадные до жизни.

Костя знает, почему он бросил студенчество и не стал географом.

Потому что он отчаянно куролесил и пьянствовал. Без меры.

После войны он служил в Бамлаге. Это позже его станут называть *печально знаменитым*. Сталинские застенки

советских крепостных – рабов... Напридумывали, демагоги! Нормальные были рабочие городки.

Они и на картах так назывались.

У Кости была Почетная грамота за подписью Сталина. Подлинная подпись, не факсимиле. Он грамоту спрятал. Точно знал, что пригодится. Костя институт, конечно, бросил. Просто не пошел сдавать экзамены, где нужно было уже говорить не то, что думаешь, а подлаживаться под мнение профессора кафедры истории, недобитого троцкиста по фамилии Царёк.

С такой фамилией только и преподавать историю ВКП(б)!

Сначала Костя ошивался по вокзалам и притонам. Пил и дрался. Уже собирался сколотить бригаду и повести ребят на воровское дело. Но вовремя спохватился. Пошел работать охранником в артель золотарей «Амгунь». В ней верховодил бывший зэк-бандеровец Мыкола, безногий. «Для кого Мыкола, а для кого и Николай Степанович Гринько», – любил говорить он сам, западэнец. Там, на приисках, Костя и подружился со старательским лотком. А потом вернулся на Дуссе-Алинь, в пургу, к кедрачам, к наледям. Один умный человек посоветовал ему уйти подальше от людей. Хотя бы на время. Отец Климент, лагерная кличка Апостол.

Тоже когда-то сидел на Дуссе-Алине.

Апостол говорил: «Тебе надо душу лечить. Золотом и водкой ты ее погубишь».

Сорокаградусные морозы выжимали из скал студеную во-

ду. Прямо из гранита выжимали. Весной цвел багульник, в реке бился таймень, а по бетонным уступам порталов скакали белки.

Прекрасно Косте Яркову, одному, жилось на Дуссе-Алине!

Отец как-то сказал ему: «У нас тут не Дальний Восток, а Дальний Восторг!» Только теперь Костя оценил слова Яркова-старшего. Утром выходишь на улицу, а столб дыма из трубы подпирает небо. Последняя звезда еще не закатилась и не погасла. Но уже кричат в распадках сойки. И носатый лось бредет к ручью на водопой, кося влажным глазом. В глазу отражаются дальние гольцы с белыми шапками снега, который не тает даже летом. На портале тоннеля снуют по бетонным уступам бурундуки. Белка смешно, как маленький человечек, обеими лапками несет стланиковую шишку. Они не боятся Костю. Потому что они видят его каждое утро. И, наверное, принимают за своего. Или за часть окружающего мира.

А еще ручьи...

Конечно же, ручьи добавляли таежного счастья!

Везде, по распадкам и у скальных прижимов, заливаются в горловом клекоте, как соловьи, хрустальные потоки. Душу твою охватывает восторг.

Костя ловил соболей, разводил костры, химическим карандашом писал о стройке-500. Получалось не очень складно. Как было дело по правде – не скажешь. А присыпать глу-

бокие следы выпавшим легким снежком... Пустое занятие! Темные проталины на весенней реке не спрячешь. Ледоход их унесет. Разве что льдины разбросает по берегам.

Но потом и они растают. Ведь река – это жизнь.

И она течет по своим законам. Не по писательским.

Ему давно, во время службы на стройке, досталась неоконченная рукопись. Чужая. Досталась как бы в наследство от *крестника*, беглого зэка по кличке Писатель. Доходяга и почти фитиль, Писатель кормился у блатных. На память, за горбушку хлеба и щепотку соли, рассказывал «Трех мушкетеров». Миледи, бикса изюбровая, воровала две алмазных подвески у герцога Бекингема, крутого пахана.

Или про Ромео с Джульеттой, про принца Гамлета. Бедный Йорик!

Так Писатель развлекал мастёвых и порчаков.

Они книжек не читали, но любили слушать истории в лицах. Писатель изображал из себя шута, бедного Йорика. Истериčno махал руками и кричал: «О! Я – бедный Йорик, шут короля!» Но никогда не изображал миледи. Считалось *впадлу* изображать женщину. То есть почти *гнать сеанс*. После такой картинки могли запросто опустить в каптерке бригадира.

Так у Писателя появилась второе *погоняло*: Бедный Йорик.

Рукопись называлась «Истопник. Записки барачного придурка». Писателя Йорика Костя, конечно, положил. На уже

талый снег в рощице, недалеко от разъезда, у речки Солони. Он его *покрестил*. Так, ослабившись, как псы, говорят между собой офицеры в голубых фуражках. Когда хвастаются друг перед другом успехами в работе. Зэки называют службу в НКВД псарней. А и пусть их! Зато за каждого положенного мордой в снег зэка начальство щедро плещет из котла довольствия НКВД приварок. Да не баланду с развалившейся хамсой, а хрустящие пятихатки. Посмотришь книгу приказов за месяц и диву даешься! Почти каждую неделю бегут зэки. И ничто не может их остановить. А вохра довольна! Пусть чаще бегут.

Глядишь, к лету на путевку в Крым наберется!

На худой конец в Дом пограничника, под Владивостоком.

Не одного только Йорика Костя в тот раз покрестил. За что и получил именную грамоту Сталина. Тогда ушли живыми только двое. Может, Йорик тоже выжил. Костя успел на лошадке довести его, теряющего кровь, в Ургальский госпиталь. Рукопись «Истопника» была спрятана, как в пенале, в черенке лопаты. Небольшую книжицу «Молитвенный щит» и пенал с тонкими, почти папиросными листочками Костя подобрал на месте ночевки беглецов. Почитал листочки. И ужаснулся! Ни одного светлого эпизода в записках не было. Все офицеры и надзиратели лагеря представлены как изуверы и садисты. Вот тогда он и решил написать сам. Не мог, правда, понять одного. Почему не получается так складно, как в рукописи Йорика? А в школьные тетради Костя заню-

сил цифры. Перепады здешних температур и высоту снежного покрова. Он это делал для себя, понимая, что никому, кроме него самого, ни таежная статистика, ни воспоминания истопника не нужны. А вернуться, хоть на миг, в прошлое хочется все сильнее.

Только в сказке, да еще, пожалуй, в кино время можно повернуть вспять. Костя, конечно, не знает многих литературных приемов.

Может, поэтому и нескладно у него получается?!

Он не знает и о том, что в кинороманах используется флешбэк – обратный кадр. Художественный прием, с помощью которого сюжет на время прервется, и зритель увидит прошлое героев.

Флешбэк

Май 1945 года

Пламя костра Кости Яркова у восточного портала тоннеля трансформируется в пламя камина. Иосиф Виссарионович сидит на скамеечке, в темной комнате, на ближней даче. Сталин вообще любил сидеть у огня. Во время ссылки в Туруханский край, на Курейку, изнывая от безделья, он не уставал бегать на рыбалку и на охоту. Разводил костерки, часами мог смотреть на огонь. Есть легенда о том, что однажды к нему в гости приехали шаманы Севера. Добирались из самых отдаленных уголков тундры. Даже с побережья океана мчались на оленях. Хотели просить совета у мудрого грузина. Хотя и совсем не старого еще.

Сталин велел тунгусам развести костер с высоким пламенем.

И только тогда он пришел к туземцам.

Они считали его белым шаманом... Неизвестно – правда или нет?

Иосиф Виссарионович держит на коленях тяжелую книгу. Ту самую, один экземпляр которой лежит на столе заимки Кости Яркова, истопника Дуссе-Алиньского тоннеля. Сегодня, перед заседанием Совнаркома, командир Бамлага генерал Френкель передал Сталину труд проектировщиков. Экземпляр № 1. Иосиф Виссарионович доволен. Оказывает-

ся, пока шла ожесточенная война, люди на Дальнем Востоке продолжали работать. Совершенно советские люди! Рубили просеки, составляли карты, рисовали схемы и чертежи новой дороги. Проектировали будущее.

Правда, в 1942 году пришлось снять уже проложенные рельсы на участках БАМ – Тындинская и Ургал – Известковая.

Соединительные с Транссибом ветки.

Рельсы пошли на Сталинградскую рокаду. Там они были тогда нужнее.

И вот поди ж ты! Работали! Герои! Мечтали о будущем страны, только что с победой вышедшей из великой войны. Надо бы спросить завтра Косыгу, он все помнит – на то он и Предсовнаркома РСФСР. Отдельное постановление Политбюро по-прежнему действует?!

Сталин настоял, и специальным решением было запрещено привлекать в Бамлаг, для работы на прокладке магистрали, уголовников, а также осужденных за повстанчество, бандитизм и измену Родине.

Работает ли то постановление?

Или такие ловкачи, как Френкель, понагнали на стройку *контингент*?

Может, Сталин действительно не знал, что понагнали? Еще как понагнали!

Приказ НКВД № 00786 (*два нолика впереди означает «совершенно секретно»*) от 19 декабря 1937 года. Весь текст

приказа, за подписью заместителя Народного комиссара внутренних дел т. Рыжова, приводить не стоит. Он слишком обширен.

Вот лишь пункт первый:

«Отдел мест заключения УНКВД по Иркутской обл. по наряду № 894 отправил в Бамлаг 422 человека, в числе которых оказалось 88 осужденных тройкой УНКВД в порядке приказа НКВД № 00447 (враги народа и контрреволюционеры), подлежащих отправке по особому наряду, 73 малолетних нетрудоспособных, 2 шпиона, 1 диверсант, 10 бандитов, 133 истощенных и слабосильных, 4 больных. Все эти заключенные не подлежали отправке в Бамлаг. Представитель Бамлаг, а (написание и пунктуация приказа сохранены – А.К.) для участия в отборе заключенных допущен не был».

Есть еще более красноречивые цифры. Они приведены также в «совершенно секретной» Справке «О численности содержащихся в лагерях заключенных, осужденных за особо-опасные к-р преступления». Только по Бамлагу (остальные в расчет не берутся) в 1937 году: шпионов – 12, террористов – 973, диверсантов – 170, изменников Родины – 12, троцкистов, зиновьевцев и правых – 48. На следующий год, на 1 января, в том же порядке, шпионов – уже 81, террористов – 1033, диверсантов – 279, изменников – 13, троцкистов, зиновьевцев и правых – 190. В пять раз увеличение по троцкистам и зиновьевцам! Наконец, на 1 апреля 1938 – абсолютные цифры: шпионов – 224, террористов – 1867, ди-

версантов – 497 (чутка недобрали!), изменников Родины – 29, троцкистов и правых – 292.

Троцкисты и правые, понятно, не урки. Но шпионы, террористы, диверсанты, изменники Родины, японские военнопленные, немцы, латыши да и масса народу по уголовным статьям – все они работали на стройке-500. От Комсомольска до Советской Гавани. На Дуссе-Алине тоже работали.

Сталин не знает цифр, приведенных выше.

Они для него слишком мелки.

Сталин мыслит масштабами тысяч и миллионов.

Он прикидывает.

И по ресурсам надо завтра же посмотреть. Подбросить Френкелю еще с десятков эшелонов. А может быть, и два десятка... Нет, лучше сотню!

Большое дело социалистических строек возобновляем сразу после окончания войны. Да и фронтовики возвращаются с войны, подтянутся.

Так думает Сталин, рассматривая фолиант энкавэдэшной книги.

Про историю БАМа он знает все. Ну, или почти все. Первыми заговорили о строительстве железной дороги через Сибирь сосланные царем декабристы. Иосифу Виссарионовичу показывали их письма. Потом, спустя несколько десятилетий, князь Кочубей, председатель Русского технического общества, доложил Бунге о предложении заняться необычной дорогой на государственном уровне. Шел 1888 год. Пред-

седатель Комитета министров русского правительства Бунге вышел с ходатайством на царя. Царь Александр (Третий) грандиозную идею новой дороги одобрил.

Вот когда впервые началось теоретическое и практическое изучение районов, по которым должна была пройти новая магистраль.

Прошли десятилетия. Революция, Гражданская война...

Развернулись стройки социализма.

Далькрайком партии (Хабаровск) в 1930 году направил в Политбюро обстоятельный доклад «План освоения района БАМ». В документе будущая железная дорога впервые была названа Байкало-Амурской магистралью. А партийцы-сибиряки, примерно в то же время, предложили тянуть железку от Тайшета до самого Николаевска, городка, основанного адмиралом Невельским, в самом устье Амура. Он, городок, был упомянут в предисловии к роману. Тот самый, который сжег анархист Яшка Тряпицын.

Чтобы он не достался японским захватчикам.

Первым начальником Управления строительства БАМа назначили Сергея Мрачковского. Сергей окончил церковно-приходскую школу и земское училище. Вроде бы учился в техникуме. Большевик. Многого добился. Командовал 5-й армией, Приуральским военным округом. В 1927 году остро критиковал курс Сталина. Пришлось посадить... Потом освободили и восстановили в партии. Да ведь сам Иосиф Виссарионович и приказал освободить Мрачковского. Нуж-

ны были кадры. Они решали всё.

Но стройка не пошла с самого начала. Не задалась и не заладилась... Слишком много навалили на Мрачковского. Он был неутомим. Побежал в ЦК комсомола, в Наркомат путей сообщения. Требовал людей и техники. Но план по строительству проваливался с треском. Нереальность поставленной задачи стала очевидной и для членов Политбюро.

И тогда Иосиф Виссарионович улыбнулся в свои усы.

Нет таких задач, которые не решали бы коммунисты!

Какие уж тут добровольцы.

23 октября 1932 года Политбюро специальным постановлением передало реконструкцию Трансиба и строительство Байкало-Амурской магистрали Объединенному государственному политическому управлению. Сокращенно — ОГПУ То есть чекистам.

А Мрачковского Серегу, сына политического ссыльного из села Тундра, пришлось расстрелять. Правда, не за провал стройки. Не до конца он разоружился перед партией. Состоял в подпольной организации троцкиста Смирнова, Ивана Никитича. Бывшего наркома почты и телеграфа, одного из лидеров левой оппозиции.

Сколько бессонных ночей они доставили товарищу Сталину!

Сталин смотрит выходные данные книги.

Сдана в производство 3 апреля 1945 года. Подписана к печати 5 июня. Два месяца всего работали! Наверное, дни и

ночи напролет. Чуть-чуть ко Дню Победы не успели. Но все равно – хороший подарок стране. Сколько там? Пятьдесят три с половиной издательских листа. Отпечатано во Владивостоке, в типолитографии газеты «Боевая вахта», на улице Посъетской, 22.

Стоп... Может, ошибка? Правильно – на улице Советской?

Не должны были подпортить такой труд. *Подговнять*. Русские всегда сами себе портят.

Надо бы у Френкеля проверить.

Завтра же попрошу отправить телеграмму во Владивосток.

Да не попрошу – велю!

Клянусь собакой! Ведь отлично сработали!

По страницам книги играют отсветы языков пламени камина. Иосиф Виссарионович бережно перелистывает тонкие листочки кальки, которыми переложены страницы с уникальными фотографиями и чертежами.

«Клянусь собакой!» – старое, еще с молодости, выражение вождя. Сталин употреблял его как в письмах, так и в устной речи. Выражение восходит к знаменитой Сократовской клятве на суде. Сократ клянется говорить правду. Если же судьи уличат его во лжи, то пусть они признают его врагом, изменником родины. А тело отдадут на съедение собакам.

Так что выражения «враг народа» и «изменник родины» восходят к Сократу. Которого Сталин знал не хуже Платона.

Интересно: у кого-нибудь из сидельцев возникала мысль о том, что изменники родины не они, а сам товарищ Сталин? Вместе с верными ему членами Политбюро.

Стоит ли верить сегодня в домыслы о примитивности мышления вождя? Сталин обладал определенным интеллектом. Любил русскую классику – Чехова, Толстого. Восхищался Достоевским. Лично следил за творчеством советских писателей. Принял участие в судьбе сына Ахматовой Льва Гумилева, драматурга Булгакова, поэта Пастернака. Последнего просто не разрешил расстрелять: «Не трогайте этого небожителя...»

Великий лирик Пастернак писал стихи о Сталине.

И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин,
И эти стихи.

По свидетельству Корнея Чуковского и Надежды Мандельштам, Пастернак «просто бредил Сталиным». Дело не в раболепствовании. Почти все они, а особенно такие восторженные, каким был Пастернак, жили под высоковольтным напряжением грандиозных свершений революции. К тому же вождь умел влюблять в себя великих гуманистов.

1 января 1936 года в «Известиях» появляются первые два стихотворения, прославляющие Сталина. Их написал Борис Леонидович Пастернак.

Прошли годы. Восьмиклассник Володя Высоцкий написал свое первое стихотворение 8 марта 1953 года. На смерть И. В. Сталина.

Там были такие строчки:

Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьей,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.

Так было... И нам от этого не откреститься.

Пастернак восхищался величием похорон Сталина.

Когда-то он сам наблюдал, из окон своей квартиры, как Иосиф Виссарионович пешком шел из Кремля за гробом застрелившейся Надежды Аллилуевой.

Но тут, наверное, другая тема.

Хотя и близкая к воспоминаниям Кости.

Но ведь было и другое. В 1934 году состоялся первый съезд писателей страны, о котором Бабель высказал мнение, зафиксированное агентами ОГПУ:

*«Съезд проходит мертво как царский парад...
Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они
ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом как
голубки».*

В ходе съезда была написана листовка (9 экземпляров), авторства которой не установлено до сих пор. Она якобы бы-

ла обращена к иностранным гостям съезда. Текст листовки сохранился:

«Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой... Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг. Все это хорошо. Но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным...»

Даже написали пародию на знаменитые пушкинские стихи Державину:

Наш съезд был радостен и светел.
И день был этот страшно мил —
Старик Бухарин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

В каминную входит Николай Сидорович Власик, начальник личной охраны Сталина. В 1945 году он уже генерал-лейтенант госбезопасности. Известный дамский угодник и бражник. Иосиф не раз корил Колю за отступления от норм большевистской морали. В открытом позже уголовном деле Власику вменялось в вину дело врачей-вредителей – он отвечал за благонадежность докторов и профессуры, разглашение секретных сведений и расхищение материальных цен-

ностей. В справке из уголовного дела написали:

«Будучи в Потсдаме, куда он сопровождал правительственную делегацию СССР Власик занимался барахольством...»

Власик писал в своих воспоминаниях:

«За мою беспредельную преданность он (Сталин) отдал меня в руки врага. Но никогда, ни одной минуты, в каком бы состоянии я ни находился, каким бы издевательствам я ни подвергался, находясь в тюрьме, я не имел в своей душе зла на Сталина».

Все это еще случится. А пока Власик деликатно спрашивает Сталина:

– Нести, Иосиф Виссарионович?

Сталин по-доброму улыбается в усы. Настроение хорошее.

Он откладывает книгу и машет рукой:

– Неси!

Власик приносит тазик с замаринованным мясом, шампур.

Сталин снимает китель и брюки. Остается в белой рубахе и в таких же кальсонах. Снова надевает мягкие хромовые сапожки. *Хромовящие прохаря* называют такие сапоги на зоне. Но Сталин, конечно, такого жаргона не знает. Хотя он и сам мог легко запустить в беседе со старыми друзьями острое словцо. Сталин закатывает рукава нательной рубахи. Удивительно! Рубаха и кальсоны обыкновенные. Бязевые, солдат-

ские. А ведь Иосиф Виссарионович уже почти что генералиссимус.

Через месяц ему присвоят высшее воинское звание.

Сталин с удовольствием нанизывает куски мяса на шампур.

Он любит сам жарить шашлыки на дышащих жаром углях камина.

А какой грузин не любит жарить шашлыки?!

Мы видим, как по рукам Сталина течет красно-розовый сок маринада. Никакой символики и никаких параллелей с кровавым режимом.

Просто Сталин жарит шашлык!

Угли становятся малиновыми.

Сталин хороший костровой.

«Хозяин должен был неотрывно следить за динамикой Священного огня – чтобы костер разгорался, но все-таки не сжег страну дотла», – пишет известный популяризатор истории Эдвард Радзинский в своей книге «Сталин».

Иосифа Виссарионовича он называет Хозяином.

Идут и идут составы на восток.

Мы видим лица сквозь зарешеченные окна. Они, окна, больше похожи на бойницы. Колонны зэков бредут по снегу. Опять лают псы. Картавит, по-ленински, снежок под ногами. И опять звонко кричит на морозе краснощекий Летёха. Ему нравится его служба.

А Сталин ведь не только костровой, он еще и настоящий

кочегар социализма! Иосиф Виссарионович тоже истопник. Как и Костя Ярков. Только печки и дрова у них разные. Вздываются стройки социализма – Беломорканал, Днепрогэс, БАМ. Укладываются рельсы.

На сцене хор кубанских казаков и казачек. Пляска. Жить становится лучше. Жить становится веселее.

Сталин подбрасывает в огонь новые полешки.

Камин, как и Костин костер, разгорается.

На экране возникает нарезка эпизодов подлинной жизни в сталинских лагерях строительства социализма.

Эпизод первый

Колонна женщин бредет по снегу. Этап охраняют солдаты с овчарками на поводу. Выходят на лед таежной реки. На пути возникает преграда. От морозов, прямо на излучке, образовалась наледь. Вода вперемешку с ледяной крошкой. Конвоиры замешкались и заметались.

Как провести этап по наледи?! А если промоины во льду? В колонне эчек ропот: «Надо бы на привал встать, гражданин начальник конвоя! Костры разведем на берегу! Закоченели в дороге».

Начальник конвоя, уже знакомый нам краснощекий Летёха, командует: «Этап – на колени! Руки за голову!»

Он боится, что эчки разбегутся. За это его самого расстреляют. Летёха дает очередь из автомата поверх голов. Женщины падают на колени, прямо в ледяное крошево. Конвойный посылает солдат разведать дорогу.

Один на один, с автоматом в руках, он стоит перед коленопреклоненным этапом. Летёхе кажется, что он бог. И женщины сейчас ему молятся. А может, он видит себя Понтием Пилатом, судьей Сына Божьего?! Если, конечно, он знает, кто такой Пилат. У ног лейтенанта сидит настороженная овчарка. Одной рукой Летёха треплет ее по ошетилившемуся загривку. И не спускает глаз с этапа. Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, тоже любил гладить свою собаку, по прозвищу

Банга, по голове. Успокаивало.

Резкий порыв ветра. Снег сечет лица.

Такое здесь по весне бывает.

Внезапно из глубокого ущелья налетает снежный заряд.
Словно сам черт плюется в лицо людям.

Женщины молятся.

А промоина расширяется. В горной реке, тем более на излучине, быстрое течение. Да и лед уже подтаял. Лейтенант видит, как боком, без крика, согбенная женская фигурка уходит под лед. Одна, вторая, третья...

Бог услышал их молитву.

Эпизод второй

Вереница заключенных катит тачки с грунтом. Они отсыпают тело магистрали. Так здесь, на стройке-500, называются земляные работы по прокладке будущей железной дороги. Технология примитивная. Но уже проверенная годами. Прямо по болоту и марям проложены мосточки, в две доски. У сопок рабочие-зэки нагружают тачки, а тачковозы, по узким деревянным трапам, везут щебень на трассу. Тянут с трудом. Дорога проложена между низенькими карликовыми лиственницами прямо к тоннелю. Он виднеется вдалеке. Да что такое тоннель, если говорить по-простому, без инженерных чертежей?! Это дырка, пробитая зэками в угрюмой скале. Один тачковоз, сразу видно, что ослабевший, но еще не доходяга, запнулся на самом краю отсыпки, упал лицом в щебенку. А потом и покатился под насыпь. Другой зэк бросился ему помогать. Длинная вереница тачковозов встала. Сбилась ритм доставки грунта в тело магистрали. Тачковозов много. Их сто или двести! А может, даже триста. Целая фаланга. Так генерал Френкель назвал одно из трудовых подразделений вверенной ему стройки. Название восходило к древнеримскому боевому строю.

Лейтенант выхватывает из кобуры пистолет и стреляет в воздух:

– Не нарушать строй! Продолжать отсыпку! Пристрелю!

Зэки вновь берутся за ручки тачек. Скрипят колеса, сыпется щебень. С сухим шуршанием мелкие и раздробленные камешки покрывают тело человека, бьющегося на откосе. Пока еще торчат плечи и голова, но вот взметнулась лишь одна рука. Грунт шевелится.

Лейтенант подскакивает на край обрыва, несколько раз стреляет в кучу щебня. Фонтанчиками взлетают каменные брызги. Уже никто не шевелится.

Длинноволосый и мосластый зэк в потрепанной шапочке-скуфейке, по виду – бывший священник, крестится:

– Спасибо, гражданин начальник! Упокоил душу раба твоего...

– Какого еще моего?! – зло хрипит Летёха.

Зэк уточняет:

– Все мы рабы Божьи.

– Ты мне тут агитацию поповскую не разводи!

Патлатый послушно подхватывает тачку.

Зэки и охранники зовут его Апостолом.

А вообще-то он – отец Климент.

Ночами исповедует и причащает зэков.

Эпизод третий

Капитан-следователь проводит допрос заключенной. Что-бы она, распутная, призналась в содеянном. Арестантка никак не хочет подписать показания о своем сожителстве с иностранцем. То есть о сотрудничестве с буржуазией. Говоря юридическим языком, 58-я статья Уголовного кодекса, 4-й пункт: «Оказание помощи международной буржуазии». Вместе с мужем-дипломатом работала секретарем-машинисткой в советском посольстве.

Контактировала с иностранцами и белоэмигрантским отребьем.

Муж уже сгинул где-то на этапах.

Настал и ее черед. Не признается вторую неделю.

Следователь-энкавед решает применить пытку детьми. Была и такая в арсенале его ведомства.

На руках у заключенной ребенок-малютка.

Рядом стоит старший сын подследственной, ему лет десять. Двое подручных держат мальчишку за руки. Капитан ломает пацану пальцы. Перебивает кости тяжелой мраморной подставкой из письменного прибора. Два пальца уже сломаны. Мальчишка кричит так, что, кажется, у матери лопнут в ушах перепонки. Капитан говорит заключенной:

– Если сломаешь мизинец ему... – тычет пальцем в малютку, – я обещаю отпустить твоего старшего! А потом нач-

нешь давать показания.

Мать ломает пальчик младенцу и падает в обморок. Ее отливают водой.

Эпизод четвертый

Взбунтовались сразу несколько лагерных пунктов. В том числе и женбаракы. Женские баракы. Струсившая охрана разбежалась. Урки, блатные, мастевые, суки, политические – все объединились и встали плечом к плечу. Создали Комиссию для самоуправления и переговоров с начальством. В Комиссию вошли авторитетный вор в законе и политическая – учительница, приговоренная к пятнадцати годам лишения свободы. За сорок дней восстания – ни одного преступления. Справедливое распределение продуктов. В Комиссии даже работал отдел агитации и пропаганды. Заключение-чеченцы придумали и запустили воздушные змеи. Над лагерем взметнулись призывы: «Мы требуем приезда члена Президиума ЦК!», «Спасите женщин и стариков от избиения!», «Долой убийц-бериевцев!», «Жены офицеров! Вам не стыдно быть женами убийц?!»

В проломы изгороди идут танки Т-34. Те самые, что брали Берлин. Зэки бросаются под гусеницы, внутренности людей наматываются на траки. Танки, подминая крылечки бараков, пробиваются в помещения, крушат нары, печки-буржуйки и столы. Люди жмутся вдоль стен...

Броня крепка, и танки наши быстры!

Женщины своими телами прикрывают мужчин, но их бьет штыками идущая следом за танками пехота. Танки стреляют

по людям и зданиям из пушек. Догорают баррикады, траншеи и бараки. Вокруг валяются сотни раздавленных, обожженных, добитых штыками зэков. Ходит опер – лейтенант, вкладывает в руки убитых ножи. Суетливый фотограф делает снимки уничтоженных «вооруженных бандитов».

Эпизод пятый

Первый год после войны, ранняя весна. В женском лагерьном пункте, западный портал Дуссе-Алиньского тоннеля, — *кипиши*. Анька Пересветова, чертежница из четвертого отряда, отказалась идти в уютный домик наряда к приехавшему из города Свободного майору Савёнкову. Гражданин начальник приехал по интендантской части. Привез новые одеяла и телогрейки. Ну как — новые? Некоторые со ржавыми пятнами, чешуйками прикипевшей крови, с заплатками на локтях. А одеяла — с замахрившимися, часто с обгоревшими, краями. Но все подспорье в убогом хозяйстве обносившегося до нитки женского лагпункта. В тайгу на просеку, на проходку в штольню ходят тетки, похожие на несуразные чучела. Заматываются в одеяла, как в коконы, прожженные у костров ватные штаны висят на заднице, на ногах в лучшем случае разбитые ботинки на два-три размера больше, подшитые стальной проволокой. В худшем — просто лапти. Или суррогатки из автопокрышек. Начальница лагпункта, старший лейтенант НКВД, обновкам несказанно рада. И готова сама услужить товарищу майору. У нее в лагпункте чистота и порядок. Дома оштукатуренные стоят, баня есть своя, пекарня. Недавно в хозяйстве лошади появились — гужевые. А вот с одежкой для строительниц совсем плохо. Старший лейтенант достижениями хвалится, все показывает приезже-

му майору.

Но интендант только гукает и на нее не смотрит.

На начальнице лагпункта гимнастерка в обтреск. Грудь, как две дыни.

Интенданту ведут Аньку Пересветову. Присмотрел на утреннем наряде, в строю. Анька Пересветова хороша собой. Ни голод, ни холод не берут дальневосточную красавицу. Даже губы чем-то подмазывает. Соком давленной клюквы, что ли? Говорят, что у Ани любовь с *кумом* – оперуполномоченным лагпункта Вадимом. То-то она зачастила к нему в служебный барак. Кум-то и подкармливает. Анька объясняет товаркам, что чертит там какие-то чертежи. Знаем мы эти чертежи.

Раздвигай пошире ноги, циркулем. И черти себе в удовольствие!

Начальница напутствует Пересветову:

– Дашь ему... Не ломайся, Нюра! В следующий раз обещал привезти нательное белье, новехонькое. Я бы и сама дала, да он меня не хочет. Тебя углядел, филин лупоглазый.

Интендант действительно похож на филина.

Что и соответствует его фамилии Савёнков. То есть не совсем еще филин, а пока совеночек. Круглые, немигающие глаза, с желтым отливом.

Говорит, как ухает.

Анька передергивает плечиками. Еще чего! Она знатная *чесирка* – член семьи изменника родины из Хабаровска. Па-

панька в местном крайисполкоме лесным отделом ведал. Куда-то не туда отправил с рейда морской сплотки Де-Кастринского леспромхоза (это на побережье) десятка два плотов. И с трибуны пленума крайкома партии призвал к расширению торговли древесиной «с сопредельными государствами». Так и сказал – с сопредельными... А сопредельные, они кто? Кому собрался впаривать дальневосточный лес папа Пересветовой?! Правильно! Тем, кто решил перейти границу у реки! Как пелось в песне – «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки». Правда, позже политическая конъюнктура позволила строчку заменить: «В эту ночь решила вражья стая...»

Но было уже поздно. Пересветов получил свою десятку. Аня успела закончить два курса железки – Института инженеров железнодорожного транспорта. Да и тут яблоко от яблони недалеко упало. Труды Иосифа Виссарионовича в курсовой работе Аня процитировать забыла!

А к ней уже присматривались.

Глядишь, закончит институт и начнет отправлять поезда не туда куда надо.

Вражья стая по-прежнему стояла у реки.

Анна осуждена по всей строгости закона.

Попала на тоннель. Уже помогает проектировщикам готовить рабочие чертежи. А тут какой-то интендант, попросту говоря, тряпочник. Да и Вадик, который служит кумом, ее любит. У них любовь настоящая. Анне ничего не надо. Лишь

бы вечером постирать гимнастерку, наварить ему картохи, намять с кусочком маргарина... Лишь бы глядеть на него, промокать чистой тряпочкой пот на лбу и убирать с лысинки слипшиеся волосики.

А Вадик и рад. Сам *свалехался*.

Влюбился в зэчку-красавицу.

Аня не знает, что гражданин майор Савёнков – третий ка-
лач. По лагерным меркам, чтобы стать интендантом, каптер-
щиком или снабженцем, большой путь пройти надо по слу-
жебной лестнице. И многое что успеть сделать. В интендан-
ты так просто не попадают.

Савёнков пожевал губами, когда ему доложили, что Ань-
ка... не хочет! Она, видите ли, не согласная на такой адюль-
тер.

У нее здесь, на тоннеле, есть, оказывается, авторитетный
кавалер.

Тогда еще не было слова *спонсор*.

– Зэк? – уточняет майор. – Из полноты? Или обыкновен-
ный *вольняшка*?!

– Никак нет, товарищ майор! – с готовностью отвечает
прикомандированный местный порученец – Летёха с румян-
цем на щеках, – кум на зоне.

– Он разве не знает, что нам строго запрещено строить с
осужденными личные отношения?!

– Она ему стучит, а он ее *пялит*.

– Ну так бы и сказал. А то – любовь, любовь... Попробуй

на распалку!

– Может, сначала *на комарей?*

– Нет! На распалку сразу! Быстрее пройдет.

– Есть на распалку!

Аньку сажают на кучу муравейника. Привязывают спиной к дереву. Заставляют широко раздвинуть ноги и к щиколоткам приматывают жердочку-распорку. Она-то и называется распалкой. Но и это еще не все. Срезают дудку – круглый и полый стебель. Если нет стебля, используют скрученную трубочкой бересту. Мостик для муравьев. Если быть совершенно точным – тоннель в Анино естество.

В женское чрево.

Через час-другой является Летёха:

– О-о-о! Как у нас тут все набрякло... Защекотали глумливые?! Такая маленькая тварь, а сколько горя приносит! Ну что – согласна?!

Аня говорить уже не может. Сипит.

По движению губ можно понять: «Согласна».

Лейтенант развязывает ей руки, снимает распалку и помогает девушке подняться:

– Я бы и сам не прочь прочистить твой тоннельчик. Но, ты же знаешь, у нас – субординация!

– Вадим, В-вадим... Он меня л-любит, – губы у Ани трясутся.

– А что Вадим?! – Летёха сдвигает фуражку на лоб и озабоченно чешет затылок. – Мне так кажется, что Вадим все

поймет правильно и войдет в наше с товарищем майором положение! Ну а коль любит, то и приголубит! Опосля...

Летёха так шутит.

Он ведет ее по тропке к тоннелю, где на склоне столпились бараки, бетонный завод, гаражи и домики. Промышленная и жилая зоны. Между ними ряды колючей проволоки, вышки и, как свечи, часовые.

Пахнет весной и багульником.

Пахнет любовью.

О бунте эков в мае 1954 года в Кенгирском лагерном отделении вспоминал не только Солженицын. А сколько их было в ГУЛАГе? И на БАМе тоже.

Вора в законе, вошедшего в Комиссию самоуправления, звали Виктор Рябов. Учительница – Супрун Лидия Кондратьевна. Оба погибли в схватке с солдатами полка особого назначения МВД, переброшенного из-под Куйбышева. Танки Т-34 оттуда же. Фамилия опера-provokatora – Беляев. В то утро он своей рукой застрелил десятка два повстанцев.

Некоторых добивал штыком.

О зверстве следователя, ломавшего пальцы детям при матери, написал профессор психиатрии Иван Солоневич. Он сбежал из Медвежьегорска (Карелия) в Финляндию. Статья называлась «Большевизм в свете психиатрии». Она была опубликована в Париже, в 1949 году, в девятом номере журнала «Возрождение».

Солоневич был врачом-психиатром – освидетельствовал надзирателей.

Сбежал, чтобы от откровений палачей самому не сойти с ума.

Как несчастная мать тех двоих, изуродованных, детей. Не верьте тем историкам, которые утверждали, что Сталин не любил свою мать. И даже презирал ее. Он якобы всю жизнь подозревал ее в распутстве. Мать Иосифа, красивая грузинка Кеке, стирала одежду и прибиралась в домах богатых евреев городка Гори, где прошло детство вождя. Они ее нанимали прачкой. По некоторым версиям, за измену и торговлю собственным телом Кеке избивал ее муж, сапожник-пьяница Виссарион Иванович. По этой же причине, дескать, он бил и самого Иосифа, сына путешественника Пржевальского. Ходила и такая версия.

Все подобные предположения и домыслы в угоду антисталинистам. Установлено точно: в день зачатия Сталина Пржевальский находился далеко – на границе с Китаем. Это во-первых. Во-вторых, путешественник Пржевальский женщинами не интересовался. Так уж получилось.

Иосиф нежно и трепетно любил свою мать.

Он писал ей письма. Правда, короткие.

У Иосифа Виссарионовича всегда было много дел.

Знал ли Сталин, заботливый сын, о том, как истязали матерей и отцов в лагерях и тюрьмах, в социалистических застенках? Его братьев и сестер.

Как он назвал в знаменитой речи граждан своей страны.

И знал ли он вообще о тех пытках, которые применяли в ГУЛАГе?

Вот один из главных вопросов во вновь разгорающихся спорах о сталинизме. Не тешьте себя иллюзиями. Он не только знал о них.

Сталин сам не единожды санкционировал физическую расправу.

На двадцатом съезде партии, где был развенчан культ личности Сталина, на вопрос, есть ли документы, подтверждающие официальное разрешение пыток, Хрущев ответил отрицательно. Накануне съезда Каганович утверждал, что есть постановление, где все расписались за то, чтобы пытать арестованных. Все – это члены Политбюро.

Хрущев ответил, что такой документ успели уничтожить. Но во многих обкомах и крайкомах партии, у начальников областных и краевых УНКВД сохранилась телеграмма за подписью Сталина от 10 января 1939 года. Наверное, Никита Сергеевич забыл про телеграмму на места:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практику НКВД допущено с 1937 года с разрешения ЦК. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается: почему социалистическая разведка должна быть более

гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод».

Ремарка «в виде исключения» была забыта на местах сразу же.

5 октября 1945 года начальник ГУЛАГа Наседкин читает лекцию слушателям Высшей школы НКВД СССР:

«Уместно отметить еще один существенный момент, являющийся принципиальным отличием наших лагерей и колоний от лагерей других стран, где властвует полицейская дубинка и прочие атрибуты капиталистической “цивилизации”. Это 7-я статья ИТК РСФСР Она гласит: “Труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства!”»

Неожиданно звучит вопрос из зала:

– Какие меры дисциплинарных взысканий применяются для нарушителей трудовой дисциплины и правил внутрен-

него распорядка?

Ответ Наседкина (критики режима утверждают, что он его злобно прокудахтал):

«Эти меры: замечание, выговор, возмещение причиненного ущерба, лишение свиданий, перевод на штрафной режим и карцер. Но все это должно исправлять человека, принуждать его к полезному труду, а не обессиливать, не толкать на путь дальнейшего саботажа и борьбы с советской властью!»

Чудовищная ложь.

Впечатляют замечание и выговор.

Младший лейтенант, задавший исторический вопрос, был немедленно исключен из Высшей школы НКВД. Вы никогда не узнаете его дальнейшую судьбу. Дай-то бог, если его только исключили. А не толкнули на «путь саботажа и борьбы с советской властью».

История не сохранила его фамилии.

Возвращаемся к Дуссе-Алиньскому тоннелю.

Ведь мы еще почти ничего не знаем о нем.

Дуссе-Алинь — одна из самых главных и самых страшных тайн Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Флешбэк

Май 1945 года. Дуссе-Алиньский тоннель

Летёха и Анька неожиданно слышат стук колес.

Идет поезд!

Но такого ведь быть не может?

Откуда поезд?

Как замороженные, Летёха и Аня Пересветова смотрят на приближающийся состав. Так бывает в кино. Герои не только видят свое прошлое. Операторы, как уже замечено выше, волшебники-бестии с чудо-камерами в руках, показывают зрителям картины будущего. Да и поклонники неореализма не сильно отстают от них. То они предлагают послушать песни, которых герои еще не знают, а вот теперь услышат, удивятся и обрадуются.

А то запустят поезд из весны 1977 года в май 45-го.

Они переносят своих героев, как песню, через годы, через расстояния!

Именно это сейчас и происходит на экране.

Креативная визуализация – вот как называется умение видеть будущие события. Герои должны как бы предчувствовать грядущее время.

И сейчас они его предчувствуют. Потому что слишком

страшна и нелепа жизнь, где твое естество терзают муравьи-палачи. Да и люди такие же.

Сучковатая распалка. И бесноватый майор по фамилии Савёнков.

Страшна и нелепа та жизнь, которая существует возле тоннеля.

Но человек-то должен родиться для радости!

Он должен верить в то, что будущее будет другим.

И оно будет прекрасным! Обязательно будет...

Все еще аукнется и все еще срифмуется.

И можжевеловый куст, и Летёха на разводе.

И чуть живое подобье улыбки твоей.

Чуть живое.

К жертвам придет прозрение, к палачам – расплата.

Все равно придет.

Как бы люди, похожие на Сталина, ни прятали от нас свои страшные архивы.

В 1988 году, 8 июня, тогдашний председатель КГБ Чебриков направил в ЦК КПСС телеграмму, которая называлась «Об использовании архивов органов госбезопасности». Виктор Михайлович писал:

«Ограничение доступа к секретным архивам диктуется необходимостью противостоять соответствующим устремлениям спецслужб противника, зарубежных центров, а также антисоветских элементов внутри страны...

Открытое опубликование сведений по материалам архивных дел на реабилитированных, цитирование отдельных документов из них может создавать негативное представление о личности самих реабилитированных лишь только потому, что они в период следствия и в суде оговорили себя и других лиц, разделивших их участь. Те или иные факты, став широко известными, могут вызвать новые обращения граждан, в том числе с требованием привлечь к уголовной ответственности должностных лиц, причастных к расследованию и рассмотрению в суде какого-либо дела... многие из которых живы и не могут быть признаны виновными».

22 сентября 1988 года Политбюро наложило резолюцию: «Принято решение согласиться». Прошло тридцать лет. Никакого Политбюро нет и в помине! Решение никто не отменил.

Хоть одного признали виновным в пытках и издевательствах?

«Не могут быть признаны виновными». Чебриков.

Политбюро согласилось.

Ну а Ягода, Абакумов, Ежов, Берия, Меркулов до сих пор не реабилитированы.

Это такой же прием, как и флешбэк. Только теперь наши герои уходят не в прошлое, а приближают будущее.

Анька Пересветова, жертва, и Василий – ее палач, они оба

видят фантастическую картину.

В клубах пара и дыма летит паровоз.

Кажется, он просто изрыгает пламя!

Анна и Летёха смотрят на паровоз.

На открытой площадке состава стоит фронтовик-гвардеец Костя Ярков. Он возвращается в родные края после войны. И после того как год отвоевал в Прибалтике. Ловил там лесных братьев. Он их там просто отстреливал. Ведь Костя не только чалдон и аккордеонист, он еще и отличный снайпер.

Поезд на временном перроне у вокзала встречает толпа ликующих граждан. Эков пока не видно. Сквозь нежную зелень Дуссе-Алиньских сопок просвечивают розовые поляны. Здесь на склонах есть такие, розово-фиолетовые, почти плоские, камни-плиты. А еще цветет багульник.

Пахнет сладко и душно.

Так, что у Кости, стоящего на открытой площадке, кругом идет голова.

Я почувал сквозь сон легкий запах смолы...

Ах, как давно он не был на родине!

Шахтерскую бронь у Кости сняли и призвали инструктором-стрелком в сорок третьем. Рельсы с БАМа тогда уже перебросили под Сталинград. Чегдомынские залежи угля были открыты, но комбинат только-только начинался. Костя тогда работал на строительстве шахт.

И охотился в ургальской тайге. Ловил в кулёмки колонков и соболей. Добывал струю кабарги. Это у него от отца – знат-

ного таежника. Ярковы белку из мелкашки били только в глаз. Попутно учил пацанов стрелять в досаафовском клубе. Кружки по стрельбе тогда открыли во всех школах. И поставили вышки для прыжков с парашютом. Учительская жила в Косте тоже билась. А это уже от матери, Глафиры Ивановны, – в девичестве Поликарповой. Она всю жизнь преподавала музыку и пение в деревенских семилетках. Тогда в школах еще пели. Глафира Ивановна сама играла на аккордеоне. И сына научила. Перед уходом на фронт Костя уже вовсю играл в поселковом клубе.

Война войной, а субботние танцы по расписанию.

Как-то вечером возвращались домой. Никитка Кочетков, шустрый семиклассник – чернявый, тоже то ли из кержаков, то ли из чалдонов, спросил: «Константин Егорович! Вы так метко стреляете... А почему вы не на фронте?»

Костя как споткнулся. А правда – почему?

У кержаков (староверов) всех старших зовут на «вы».

На следующий день Костя явился в Ургальский военкомат. Мать плакала, конечно, а отец строго сказал: «Чалдон в бою не пропадет! А только первым в схватке будет!» После победы Костя еще целый год гонялся за злобными бандюками в Прибалтике. Смертники... Косте сказали: «Надо!» Так он попал в Смерш.

На Косте парадная гимнастерка, ч/ш – чистошерстяная, новенькая портупоя и офицерский ремень. Сапоги хромо-вые, гармошкой. Почти не скрипят при ходьбе. На груди

гвардейский значок, солдатская медаль «За отвагу» и орден боевого Красного Знамени.

Поезд, длинный смешной чудака, ползет по излучке таежного распадка. И к запаху багульника примешивается то ли запах тяжелой хвои, то ли тонкий аромат можжевельника.

Я увидел во сне можжевельниковый куст.

В то время эта строчка еще не была написана поэтом Заболоцким. Тоже эком, сидевшим отсюда неподалеку. Мы уже упомянули об этом. Тут повторяемся лишь по одной причине: зритель должен чувствовать, как раскручивается пружина сюжета. Работал Заболоцкий, как сам он писал в письме домой, архитектурным чертежником в ОЛП (отдельном лагерном пункте). Да и песню про чудаковатый поезд, длинный и смешной, напишут гораздо позже того времени, в котором сейчас находится наш герой, Костя Янков. Но мы уже предупредили читателей о том, что будущее перемешается с прошлым наших героев.

А где-то и сон перейдет в явь.

Я услышал вдали металлический хруст.

Вот же он, хруст!

Неужели не слышите?!

Он под колесами поезда.

Состав как раз притормозил на повороте.

Костя достает из чемодана-футляра трофейный немецкий аккордеон. Перламутровый, с четырьмя регистрами. И начинает играть незнакомую ему мелодию. А внизу, в распад-

ке, мы видим скальные расщелины вдоль берегов бурлящей речки Чёрт. Оператор фиксирует объектив и притормаживает его движение по кругу. И мы видим, как с длинной, похожей на язык наледи – она нависла вдоль скального прижима – каплют крупные капли. Сначала ускоренная съемка. Профессионалы говорят – рапид. Потом, на контрасте, замедленная. Капля ударяется о поверхность спокойного здесь, на повороте, плёса и вторая капля, уже из реки, стремится ей навстречу.

Удар, фонтан, круги по воде и...

Вторая капля, третья.

Все-таки какие они умельцы, операторы! То ли время показывают нам сейчас, то ли суровость здешних скал, холод льдов и голубизну вечной мерзлоты. А может, так капают и проходят наши с вами года?

И Кости Яркова тоже.

Поезд вновь вырывается на простор магистрали, и уже виден тоннель с барельефом Сталина – Ленина. Дату строительства тоннеля пока еще не срубили с портала. Поезд, между прочим, знатный. Кабина машиниста украшена красными флагами, зеленой гирляндой, сплетенной из пихты. Здешняя пихта пушистей даже голубых кремлевских елей. А в центре, на самом рыльце локомотива, висит его портрет, Иосифа Виссарионовича Сталина. Совсем не гуталинщика, как иронизируют несознательные зэки, а нашего отца. Отца народов огромной страны. Костя в этом уверен. На крас-

ном кумаче портала тоннеля, тоже убранного в зеленый лапник, лозунг: «Ура победителям социалистического соревнования, досрочно завершившим проходку тоннеля! Слава путармейцам скального фронта!»

Дуссе-Алинь встречает свой первый поезд.

Потому и праздник.

Здесь мы, вполне осознанно, отходим от буквализтики дат.

То есть, как тот Летёха на морозе, даем петуха.

Но – не сильно. *Слегонца*, как говорят на зоне.

Да и сами историки путаются. По одним сведениям, строительство тоннеля началось в 1939 году. По другим – к проходке приступили 1 мая 1940 года. Наверное, год строили бараки и поселки тоннельщиков, оплетали лагпункты колючей проволокой и возводили вышки для охраны. За год работы, непосредственно на штольнях, женщины, со стороны западного портала, прошли 311 погонных метров. Мужики, с восточного крыла, только 200. Забегая вперед, хотелось бы заметить, что женщины на проходке тоннеля все время работали лучше мужчин. Цифры подтверждают. То ли порода с восточной стороны была тверже, то ли зэки оказались слабее зэчек... Народным комиссариатом внутренних дел ставилась задача: 1 мая 1942 года произвести сбойку тоннеля. К декабрю того же года открыть рабочее движение. В марте 43-го сдать тоннель в постоянную эксплуатацию.

Но в мае 1942 года приказом ГКО СССР строительство

Дуссе-Алиньского тоннеля законсервировали. На стройке оставили 150 эков и 35 охранников. Всех остальных перебросили на строительство Сталинградской рокады. Начальника отряда тоннельщиков Максимилиана Рацбаума, классного специалиста, тоже откомандировали под Сталинград. В декабре 45-го Совмин СССР принял решение о продолжении строительства БАМа. Не зря Сталин сидел с проектом БАМа, замечательной книжкой из Владивостока, у камина на своей ближней даче. На Дуссе-Алинь вернулись строители. И сам Рацбаум вернулся. Весной 46 года Костя Янков едет в родные края.

Вроде бы почти все совпадает.

Извините, правда, за обилие дат и цифр.

Они часто нам так же необходимы, как и песня про можжевеловый куст.

Максимилиан Рацбаум вспоминает:

«За 23 месяца чистой работы мы прошли более 1800 метров и сбойку штолен дали на два месяца раньше срока, назначенного народным комиссаром. (Расхождение по оси, между прочим, было всего 20 сантиметров. А ведь рубили на глазок, то есть по рабочим чертежам. — А.К.) Три дня и три ночи оба лагерных пункта отдыхали».

То есть, ночь любви уже состоялась?

Стоп!

Здесь мы должны остановить бег нашего пера.

А точнее – стук клавиатуры.

Вот и вагоны больше не стучат на стыках новеньких рельсов.

Между прочим, рельсах американского проката.

Читатель вправе узнать подробности ночи любви. А ведь у нас кино еще только-только началось. Никакие кинороманы, даже самые бездарные, не поддаются скучным погрешностям статистики. У нас с оператором и режиссером не какое-нибудь вранье! А свобода в распоряжении материалами жизни наших персонажей.

В том числе – и материалами собственных жизней.

Во времени и в пространстве.

Именно поэтому автору придется совсем уже скоро уйти в побег вместе с бандеровцем Мыколой Гринько, капитаном-сапером Захаром Притуловым и отцом Климентом, Апостолом. Но об этом чуть позже.

Только 2 июля 1977 года через очищенный ото льда, не эками, а уже солдатами железнодорожных войск, тоннель пройдет первый поезд.

Так что же?! Прикажете ждать тридцать лет?! Мы сейчас находимся в 46-м.

Исчезнут во времени все герои...

Если их не расстреляют раньше.

Впрочем, даже и здесь художественный вымысел и документалистика тесно переплетаются. Из воспоминаний Всеволода Вениаминовича Степанка, старейшего изыскателя и

строителя магистрали:

«Июль, 1945 год. Это было очень торжественно и красиво. Впереди несли Красное знамя, и шел духовой оркестр. Знамя и оркестр находились впереди укладочного городка в пределах видимости. Оркестр играл бравурные марши. На работников укладочного городка было приятно смотреть. Все они были очень сильные люди, отличались красивой мускулатурой, выше пояса были обнаженные и сильно загорелые. Работали с громким присвистом, гиканьем и прибаутками. Работники от политотдела приносили им питье и легкий табак «Дюбек». Вся работа выполнялась вручную и в быстром темпе. Впереди раскладывались на щебеночный балласт шпалы, за ними раскладывались рельсы и скрепления и тут же пришивались костылями по шаблонам. Очень интересно и впечатлительно было смотреть, как костыльщики с одного удара вбивают костыль – это верх совершенства. Укладка верхнего строения в такой последовательности прошла до тоннеля (речь о Сихотэ-Алиньском тоннеле, длиной 400 метров, на Кузнецовском перевале; это следующий, за Дуссе-Алинем, тоннель – А.К.), а в тоннеле верхнее строение было уложено раньше. За тоннелем укладка шла также, как и до него. 20 июля 1945 года на разъезде Кузнецовский произошла смычка рельсового пути западного и восточного участков. На середине разъезда Кузнецовский была воздвигнута трибуна, обитая кумачом. Укладочный городок

подошел с запада к уже пришитому звену с востока. Смычной костью было предоставлено забивать Ф. А. Гвоздевскому (генерал-майор инженерно-технической службы НКВД, тот самый, под руководством которого создана книга “Байкало-Амурская железнодорожная магистраль” – А.К.) и еще кому-то. (Не Иосифу ли, ненароком, Виссарионовичу? – А.К.) Накануне Гвоздевский тренировался в забивке костей».

Хотя мог бы не тренироваться.

Гвоздевский по молодости махал кузнечным молотом. Кувалда, конечно, не циркуль чертежника. Не самый точный инструмент. Но Гвоздевский и кувалдой владел виртуозно.

«Очень интересно и впечатлительно было смотреть». Восхищается Степанок, ветеран стройки. Переживем и мы увиденную картину показательной работы мускулистых бамовцев. Закурим легкого «Дюбека». Тем более что папиросы подносят сами работники *политотделов*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.